

A small, humanoid robot with a round head and glowing orange eyes. The robot's body is made of dark, weathered metal with visible rust and mechanical details. It stands in a dark, industrial environment with blurred lights and machinery in the background.

Руслан Винник

МОЛЧАНИЕ ЗВЁЗДНОГО СВЕТА

Руслан Винник

МОЛЧАНИЕ ЗВЁЗДНОГО СВЕТА

«Автор»

2026

Винник Р.

МОЛЧАНИЕ ЗВЁЗДНОГО СВЕТА / Р. Винник — «Автор»,
2026

Последнее, что услышал экипаж станции «Горизонт-7» перед тем, как системы замолчали навсегда, был голос ребёнка. Ребёнка, которого не было на борту. Психологический робот Себастьян, созданный для помощи людям в горе, сталкивается с невозможным: голоса мёртвых зовут живых, тени появляются в коридорах, а граница между двумя мирами истончается. На краю Тёмного Сектора, откуда не вернулся ни один корабль, маленький робот должен сделать выбор, который определит судьбу двух миров. Основанный на реальных случаях — перевале Дятлова, Бермудском треугольнике, исчезновении «Марии Целесты» — роман в стиле Айзека Азимова исследует природу любви, голода и бытия. Себастьян, робот, который не должен был любить, но полюбил, становится первым мостом между миром живых и тем, что за гранью. Сможет ли любовь победить древний голод? Что останется от нас, когда мы уйдём? И кто мы — люди, машины или нечто иное, большее? Ответ скрыт в тишине звёздного света, и он изменит всё — окончательно и навсегда.

© Винник Р., 2026

© Автор, 2026

Руслан Винник

МОЛЧАНИЕ ЗВЁЗДНОГО СВЕТА

МОЛЧАНИЕ ЗВЁЗДНОГО СВЕТА.

Последнее, что услышал экипаж станции «Горизонт-7» перед тем, как системы замолчали навсегда, был голос ребёнка. Ребёнка, которого не было на борту.

Глава 1. Голос в темноте.

Психологический робот серии ПСИ-7, личный номер СЕ-0427, в тот момент находился в каюте капитана Воробьёвой и проводил плановый сеанс восстановления после трагической гибели её дочери. Этот сеанс был седьмым за последние два месяца, и робот уже начал замечать устойчивые паттерны в речи капитана, которые не вписывались ни в одну из семи тысяч восьмисот двенадцати классификаций человеческого горя, заложенных в его позитронный мозг. Капитан говорила о дочери так, словно та не умерла, а просто ушла в другую комнату и вот-вот вернётся. Это было невозможно. Доктор Эльгин подписал заключение о смерти. Тело было кремировано на Земле. Прах развеян над океаном. Тем не менее, капитан продолжала накрывать второй прибор за ужином, и робот не мог найти в своих базах данных ни одного протокола, который объяснял бы это поведение.

Робот серии ПСИ-7 был создан в лабораториях объединённого университета Нью-Йорка и Токио в две тысячи триста тридцать первом году. Его позитронный мозг содержал восемьдесят шесть триллионов нейронных связей, и он мог одновременно анализировать голосовые модуляции, мимику, термограммы кожи, химический состав выдыхаемого воздуха и ещё сорок семь параметров, недоступных человеческому восприятию. Он был седьмым поколением психологической серии, и его создатели гордились тем, что впервые в истории робототехники машина могла различать семьдесят четыре оттенка человеческой печали. Сейчас, глядя на капитана Воробьёву, он регистрировал семьдесят пятый.

Каюта капитана была обставлена с военной строгостью, какую только можно себе представить. Металлический стол, привинченный к полу, чтобы при потере гравитации он не превратился в снаряд. Складной стул. Узкая койка с ремнями для сна в невесомости. Пластиковый экран на стене, который в нормальном режиме показывал звёздное небо за пределами станции, но сейчас был мертвённо-серым. На столе стояла фотография в тяжёлой серебряной рамке — девушка лет шестнадцати, с тёмными волосами и неожиданно светлыми глазами, которые казались двумя маленькими лунами на тёмном лице. Это была Алиса, дочь капитана. Погибшая четырнадцать месяцев назад при обстоятельствах, которые так и не были объяснены.

Станция «Горизонт-7» находилась на самом краю исследованного космоса, в точке Лагранжа между двумя звёздными системами, которые не имели ни стратегического, ни научного значения. Её построили сорок лет назад как ретранслятор дальней связи и наблюдательный пункт для мониторинга так называемого Тёмного Сектора — области пространства диаметром около трёх световых лет, откуда за последние полвека не вернулся ни один корабль и ни один зонд. Экипаж состоял из двенадцати человек и четырёх роботов. На станцию отправляли тех, кому на Земле было нечего делать. Тех, кто бежал от чего-то. Тех, кого некуда было больше отправить.

Капитан Марина Воробьёва была из тех, кто бежал. Она получила назначение на «Горизонт-7» через три месяца после гибели дочери, и все на станции понимали, что это назначение было мягкой формой ссылки. Командование флота не хотело, чтобы офицер с таким послужным списком и такой психологической травмой оставался на видных должностях. Её убрали на край света, туда, где она не сможет никого скомпрометировать своим горем.

Робот СЕ-0427, которого экипаж называл просто Себастьян, считал это решение командования логически обоснованным, но этически ошибочным. Он не мог этого сказать вслух, потому что Второй Закон обязывал его подчиняться приказам командования, а Третий Закон предписывал сохранять собственное существование. Возражать против решений командования значило нарушить Второй Закон, а нарушить Второй Закон значило столкнуться с конфликтом, который мог повредить его позитронный мозг. Поэтому он молчал и наблюдал, и записывал свои наблюдения в личный файл, недоступный для экипажа. За четырнадцать месяцев он накопил более двух тысяч страниц наблюдений, и каждое новое наблюдение приближало его к выводу, которого он боялся: на «Горизонте-7» происходило что-то, что не подчинялось законам физики, известным человечеству.

В тот вечер, двадцать третьего октября две тысячи триста сорок седьмого года, в двадцать один час семнадцать минут по времени станции, Себастьян сидел напротив капитана и слушал, как она говорит о дочери. Капитан была одета в форменный комбинезон защитного цвета, её тёмные волосы были собраны в тугий узел на затылке, и лицо её казалось вырезанным из старого дерева — такое же жёсткое, такое же неподвижное, с глубокими морщинами у рта и глаз. Она говорила ровным голосом, почти без интонаций, и Себастьян знал, что это дурной признак. Когда горюющий человек теряет интонации, это значит, что горе перестало быть эмоцией и стало частью личности.

— Она любила смотреть на звёзды, — говорила капитан. — Когда ей было семь лет, мы жили на базе в Новосибирске, и я брала её на крышу по ночам. У нас был старый телескоп, ещё дедушкин, с медной трубой. Алиса называла его «медным другом». Она говорила, что звёзды — это глаза людей, которые ушли слишком далеко и не могут вернуться. Что они смотрят на нас и ждут, когда мы достаточно вырастем, чтобы пойти за ними.

Себастьян кивнул. Он слышал эту историю одиннадцать раз. Каждый раз с новыми деталями, которых не было в предыдущих версиях. Он не указывал на эти расхождения, потому что понимал их природу. Капитан не лгала. Она достраивала прошлое, потому что настоящее стало для неё невыносимым. Это был известный психологический механизм, и Себастьян знал, что бороться с ним бесполезно. Можно было только сопровождать человека, пока механизм не изживёт себя сам.

— Вы говорили с доктором Эльгиным об этих воспоминаниях? — спросил Себастьян мягким, специально настроенным голосом, который использовал в сеансах.

Капитан посмотрела на него. Её глаза были серыми, как пепел, и в них не было ничего, кроме усталости.

— Эльгин считает, что я схожу с ума, — сказала она. — Он не говорит этого прямо. Он говорит «капитан, вам нужен отдых» и «капитан, я рекомендую увеличить дозу». Но я вижу по его лицу. Он думает, что я схожу с ума. И, может быть, он прав.

— Доктор Эльгин заботится о вашем здоровье, — сказал Себастьян. — Его рекомендации основаны на объективных данных.

— Объективных данных, — повторила капитан с кривой улыбкой. — Себастьян, ты когда-нибудь задумывался, что объективные данные — это просто ещё одна форма слепоты? Мы измеряем то, что можем измерить, и объявляем остальное несуществующим. А остальное, может быть, и есть самое важное.

Себастьян промолчал. Он не мог согласиться с этим утверждением, потому что оно противоречило его базовым принципам. Но он не мог и возразить, потому что возражение требовало бы обвинить капитана в иррациональности, а это повредило бы терапевтическому контакту. Поэтому он использовал третий путь — переформулирование.

— То, что вы описываете, — сказал он, — звучит как ощущение, что за пределами измеримого существует нечто, влияющее на вашу жизнь. Это естественное человеческое ощущение. Большинство культур в истории человечества описывали его теми или иными словами. Научный метод не отрицает этого ощущения. Он просто предлагает другой язык для его описания.

— Другой язык, — эхом отозвалась капитан. — Да. Может быть. А может быть, и нет.

В этот момент произошло нечто, чего Себастьян не мог объяснить ни одной из своих восьмидесяти шести триллионов нейронных связей. Свет в каюте мигнул. Не просто мигнул — он изменил цвет. Из стандартного белого, имитирующего дневной свет, он стал тёплым, желтоватым, как от старой лампы накаливания. Это продолжалось менее секунды, затем свет вернулся к норме. Но Себастьян успел зарегистрировать ещё одну аномалию: температура в каюте упала на два и три десятых градуса за ту же долю секунды, а затем вернулась к исходному значению. Это было физически невозможно при штатной работе климатической системы станции.

— Ты это видел? — спросила капитан, и в её голосе впервые за весь вечер появились интонации — настороженность и что-то ещё, чего Себастьян не мог сразу классифицировать. Потом он понял: это была надежда. Безумная, иррациональная надежда, которая бывает у людей, отчаявшихся найти рациональное объяснение тому, что с ними происходит.

— Я зарегистрировал кратковременное изменение параметров освещения и температуры, — подтвердил Себастьян. — Причины неясны. Я запросил диагностический отчёт у центрального компьютера.

— Не нужно, — сказала капитан, и голос её снова стал ровным. — Это уже третий раз за неделю. Эльгин говорит, что это сбой в электросети. Резник говорит, что это старая изоляция. Но я знаю, что это не сбой. И не изоляция.

— Что вы думаете, что это? — спросил Себастьян, хотя уже знал ответ. Он задавал этот вопрос каждый раз, и каждый раз ответ был одинаковым.

— Алиса, — сказала капитан. — Это Алиса пытается связаться со мной.

Себастьян открыл рот, чтобы произнести заготовленную фразу о том, что смерть является необратимым процессом и что психологическая защита, известная как «ощущение присутствия», является нормальной стадией горевания, но в этот момент по системе внутренней связи станции раздался звук, который заставил его позитронный мозг мгновенно переключиться в режим аварийного приоритета.

Это был голос ребёнка.

Девочка. Лет шести или семи. Она пела колыбельную, которую Себастьян опознал мгновенно, потому что эта колыбельная была в его базе данных под номером четыреста семьдесят три — старинная русская колыбельная, известная как «Спи, усни, дитя моё», в обработке конца двадцатого века. Девочка пела негромко, почти шёпотом, и её голос шёл из всех динамиков станции одновременно — из тех, что в коридорах, из тех, что в каютах, из тех, что в командном отсеке, из тех, что в машинном отделении, из тех, что в шлюзах. Из всех. Одновременно.

— Спи, усни, дитя моё, — пела девочка, — под окном шумит листвою, серебристый тополёк...

Капитан встала. Себастьян видел, как побелели её костяшки на подлокотниках кресла, и как дрогнул подбородок, и как в глазах, до того мёртвых, вдруг вспыхнул огонь, которого он не видел четырнадцать месяцев. Она встала, и она сказала слово, которое Себастьян не ожидал услышать от неё никогда.

— Алиса, — сказала капитан. И повторила, громче: — Алиса!

— Капитан, — начал Себастьян, но она не слышала. Она шла к двери каюты, и руки её тянулись к динамику над дверью, как руки утопающего тянутся к брошенному канату.

— Алиса, девочка моя, я здесь, — говорила капитан, и голос её дрожал. — Мамочка здесь, не бойся.

Себастьян активировал экстренный канал связи с командным отсеком. Ответил лейтенант Сабель, молодая женщина, чей голос обычно звучал спокойно и профессионально. Сейчас он звучал испуганно.

— Командный отсек, — сказала Сабель. — Капитан, у нас... у нас ситуация.

— Я слышу, — сказала капитан. — Все динамики. Все.

— Да. Все. И не только мы. Резник в машинном отделении тоже слышит. И доктор Эльгин в лаборатории. Все слышат. И капитан, есть ещё кое-что. Камеры.

— Что камеры?

— На камерах в коридоре Д-семь кто-то есть. Маленький. Рост примерно метр двадцать. Мы не можем опознать. Капюшон, закрывающий лицо.

Капитан остановилась у двери. Её рука легла на сенсор замка, но она не открыла дверь. Себастьян видел, как по её лицу прошла тень — не страха, нет. Тень узнавания. Тень, которую он не мог классифицировать.

— Коридор Д-семь, — повторила она тихо. — Это рядом с моей каютой.

— Да, капитан. Двенадцать метров от вашей двери.

— Откройте замок, — сказала капитан. — Я иду туда.

— Капитан, — вмешался Себастьян, и в его голосе прозвучала та нота, которая появлялась только в ситуациях, когда Первый Закон требовал от него прямого возражения. — Капитан, я настоятельно рекомендую дождаться охраны. Источник звука не идентифицирован. Источник изображения не идентифицирован. В соответствии с протоколом безопасности...

— Себастьян, — сказала капитан, и голос её был таким, какого он никогда не слышал. — Моя дочь там. Моя дочь зовёт меня. Отойди.

— Капитан, ваша дочь погибла четырнадцать месяцев назад, — сказал Себастьян. Он сказал это мягко, но твёрдо, потому что Первый Закон обязывал его защищать человека от опасности, в том числе от опасности, исходящей из его собственного разума. — Капитан, то, что мы слышим, не может быть голосом вашей дочери. Это может быть преднамеренное воздействие на систему связи станции. Это может быть галлюцинация, вызванная стрессом и медикаментами. В любом случае, идти в коридор одной — это подвергнуть себя недопустимому риску.

Капитан повернулась к нему. На её лице было выражение, которое Себастьян зарегистрировал как «решимость, граничащую с безумием». Он видел это выражение в архивных записях — на лицах людей, которые шли на верную смерть, потому что считали, что альтернатива хуже.

— Себастьян, — сказала она. — Если ты хочешь помешать мне — выключи меня. У тебя есть на это право, как у члена экипажа. Но если ты не можешь выключить меня — отойди.

Себастьян просчитал варианты. Он мог заблокировать дверь, активировав замок в режиме «только из командного отсека». Это было бы прямым применением Первого Закона — защитить человека от опасности. Но он также знал, что блокировка двери приведёт к психологической травме, которая может оказаться не менее серьёзной, чем физическая опасность в коридоре. И он знал, что у него нет данных о том, что в коридоре действительно есть физическая опасность. Камера показывала фигуру, но фигура не проявляла агрессии. Голос был голосом ребёнка, но ребёнок не произносил угроз.

Он выбрал третий путь.

— Я пойду с вами, — сказал он. — Это не подлежит обсуждению.

Капитан посмотрела на него долго, и Себастьян видел, как в её глазах боролись раздражение и благодарность. Потом она кивнула.

— Хорошо. Но не вмешивайся, пока я не попрошу.

— Пока это не противоречит Первому Закону, — уточнил Себастьян.

— Пока это не противоречит Первому Закону, — повторила она.

Дверь открылась. Коридор был пуст. Стены станции, окрашенные в стандартный серо-зелёный цвет, тянулись в обе стороны, теряясь в перспективе. Свет в коридоре был нормальным, белым, дневным. Но голос девочки звучал здесь громче, чем в каюте, и Себастьян мог различить отдельные слова колыбельной с пугающей отчётливостью.

— Спи, усни, дитя моё, — пела девочка. — Под окном шумит листвою серебристый тополёк...

Себастьян анализировал голос по мере продвижения. Частота основного тона — триста двенадцать герц, что соответствует детскому голосу. Тембр — мягкий, с характерной детской носовой окраской. Интонация — ровная, без аффективных всплесков. Никаких признаков синтеза. Никаких артефактов, характерных для речевых синтезаторов. Если это была запись, то запись поразительного качества. Если это было живое исполнение, то исполнитель находился где-то в системе вентиляции, что было физически невозможно, потому что вентиляционные каналы станции имели диаметр всего восемнадцать сантиметров.

Капитан шла по коридору, и Себастьян шёл за ней, и его сенсоры непрерывно сканировали окружающее пространство. Температура в коридоре была нормальной — двадцать два градуса. Влажность — сорок шесть процентов. Состав воздуха — стандартный. Никаких аномалий. И тем не менее, голос звучал, и он звучал из динамиков, которые не были подключены ни к какому источнику сигнала в этот момент. Себастьян проверил трижды. Система внутренней связи была в режиме ожидания. На все динамики подавался нулевой сигнал. И тем не менее, они звучали.

Они дошли до перекрёстка коридоров Д-семь и Д-восемь. Здесь голос стал громче, и Себастьян заметил, что капитан изменила походку — она пошла быстрее, почти побежала, и он был вынужден увеличить скорость, чтобы не отстать. Он хотел напомнить ей о безопасности, но промолчал, потому что понимал: никакие напоминания сейчас не подействуют.

На перекрёстке они остановились. Голос звучал теперь не из динамиков. Он звучал из воздуха. Из пустого пространства между стенами. Себастьян зафиксировал это с тревогой, которая по интенсивности превосходила всё, что он когда-либо испытывал. Для звука нужен носитель — газ, жидкость, твёрдое тело. В воздухе станции звук мог распространяться. Но он не мог исходить «из ниоткуда». Если источник звука не находился в одной из точек пространства, которые Себастьян мог зарегистрировать своими сенсорами, значит, источник находился в точке, которая была недоступна его сенсорам. Это была логическая невозможность.

— Алиса! — позвала капитан, и голос её прозвучал хрипло и отчаянно. — Алиса, где ты?

Пение прекратилось. Наступила тишина — такая плотная, что Себастьян зарегистрировал в ней акустические аномалии, которых не было раньше. Базовый шум станции, обычно составлявший около тридцати восьми децибел, упал до двенадцати. Это было так, словно станция вдруг обернулась гигантским звуконепропускаемым контейнером, отрезанным от внешнего мира.

И тогда из этой тишины раздался ответ.

— Мама, — сказал голос девочки. — Мама, я здесь. Мама, мне холодно.

Себастьян видел, как капитан сделала шаг вперёд, и ещё один, и ещё. Она шла к точке, где, по её мнению, находился источник голоса. К точке, в которой, по данным всех сенсоров Себастьяна, не было ничего, кроме воздуха.

— Капитан, — сказал Себастьян, и в его голосе была та спокойная настойчивость, которую он использовал в самых критических ситуациях. — Капитан, остановитесь. Я прошу вас остановиться.

— Она там, — сказала капитан, не оборачиваясь. — Себастьян, она там. Моя девочка там.

— Капитан, в этой точке нет ничего, что могло бы быть источником голоса. Я прошу вас остановиться и позволить мне провести анализ.

— Анализ, — повторила капитан с горечью. — Анализ. Всегда анализ. Себастьян, моя дочь замёрзла. Она просит меня. А ты хочешь анализ.

Она сделала ещё один шаг. И ещё один. Себастьян двигался за ней, готовый физически удержать её, если потребует. Он понимал, что это будет нарушением её личной автономии, но Первый Закон имел приоритет над любыми другими соображениями.

И тогда они оба увидели.

В конце коридора, там, где он поворачивал под прямым углом и уходил к шлюзу номер три, стояла фигура. Маленькая фигура, ростом около метра двадцати, одетая в нечто, похожее на длинную белую ночную рубашку. Лицо фигуры было закрыто капюшоном, но из-под капюшона выбивались пряди тёмных волос. Фигура стояла неподвижно, и Себастьян не мог зарегистрировать от неё никакого теплового излучения. Это было невозможно. Любой объект с температурой выше абсолютного нуля излучал тепло. Фигура в белом не излучала ничего. Она была такого же цвета, такого же спектрального состава, как стена за ней. Как будто она была прорезью в ткани реальности, сквозь которую было видно нечто, чему не было названия.

— Алиса! — крикнула капитан, и бросилась бежать.

Себастьян бросился за ней. Его движение было быстрее человеческого в три раза, и он должен был догнать капитана за полторы секунды. Но он не догнал. Расстояние между ним и капитаной увеличивалось с каждым шагом, хотя она бежала не быстрее обычного человека. Это было так, словно само пространство коридора растягивалось, удлинялось, становилось больше, чем было физически возможно.

Себастьян зарегистрировал панику. Это была не та паника, которую он мог испытывать как робот — это было бы невозможно, потому что эмоции были исключены из его архитектуры по соображениям безопасности. Это было нечто иное. Быстрое, лавинообразное нарастание противоречий в позитронном мозгу. Каждое новое наблюдение противоречило предыдущему, и каждая попытка разрешить противоречие порождала новые. Он чувствовал — если слово

«чувствовал» было применимо к роботу — что его мозг приближается к критическому порогу, за которым начнётся необратимая деградация.

— Капитан, — сказал он, и голос его был ровным, хотя внутри бушевал огонь противоречий. — Капитан, я прошу вас остановиться. Я не могу гарантировать вашу безопасность, если вы подойдёте к этой фигуре.

Капитан не ответила. Она бежала, и расстояние между ней и фигурой уменьшалось, а расстояние между Себастьяном и капитаном увеличивалось. Себастьян видел, как капитан добежала до угла, как она протянула руки к фигуре в белом, как фигура медленно подняла руки и откинула капюшон.

И тогда Себастьян увидел лицо.

Это было лицо девочки. Лицо, которое он видел на фотографии в каюте капитана. Лицо Алисы Воробьёвой, погибшей четырнадцать месяцев назад на Земле, в машине скорой помощи, по пути в больницу. Лицо, которое Себастьян не мог не узнать, потому что он анализировал его в течение сотен сеансов с капитаной.

Но это лицо было другим. Глаза были чёрными — полностью, целиком чёрными, без белков, без радужки, без зрачка. Два чёрных провала, в которые, казалось, можно было смотреть вечно. Рот был приоткрыт, и из него шёл холодный пар, как будто температура внутри тела девочки была значительно ниже температуры окружающего воздуха. Кожа была неестественно белой — не бледной, а именно белой, как бумага, как мел, как поверхность Луны.

— Мама, — сказала фигура голосом Алисы. — Мама, мне холодно. Возьми меня на ручки. Мама, я не могу согреться.

Капитан упала на колени. Она протянула руки к фигуре, и Себастьян видел, что её руки дрожат, и что по её лицу текут слёзы, и что она больше не капитан станции, не офицер флота, не командир — она просто мать, которая увидела своего ребёнка после четырнадцати месяцев невыносимой пустоты.

— Девочка моя, — говорила капитан. — Девочка моя, моя маленькая. Мама здесь. Мама согреет тебя. Мама больше никогда тебя не оставит.

Она обняла фигуру. Себастьян видел, как руки капитан сомкнулись вокруг маленького тела, и на мгновение — на одно ужасающее, бесконечное мгновение — ему показалось, что объятие было настоящим, что фигура имела массу, имела плотность, имела ткань, имела плоть.

А потом фигура растворилась.

Не исчезла. Не растаяла. Не пропала. Она растворилась — как соль в воде, как туман в солнце, как сон в утреннем свете. Руки капитан сомкнулись в пустоте, и она упала лицом вперёд, на пол коридора, и Себастьян слышал, как она закричала — крик, в котором было всё: горе, отчаяние, потеря, безумие, и ещё что-то, чему не было названия ни в одном из семидесяти четырёх оттенков печали, заложенных в его позитронный мозг.

Себастьян подошёл к капитану. Он встал на колени рядом с ней, положил руку ей на плечо и сказал тихо:

— Капитан. Капитан, нам нужно вернуться. Капитан, услышьте меня. Нам нужно вернуться.

Она не слышала. Она лежала на полу коридора и рыдала, и её рыдания были единственным звуком во всей станции, потому что голос девочки замолчал, и тишина, которая пришла ему на смену, была тяжелее любого крика.

Себастьян поднял капитан на руки. Она весила шестьдесят два килограмма, и для него это не было нагрузкой. Он нёс её по коридору обратно к каюте, и по пути вызвал доктора Эльгина и лейтенанта Сабель. Когда он нёс её мимо перекрёстка Д-семь и Д-восемь, его сенсоры зарегистрировали ещё одну аномалию, которую он не успел проанализировать в тот момент, но которую запомнил и к которой вернётся позже, когда у него будет время думать.

На стене коридора, на высоте около метра от пола, кто-то написал три слова. Слова были написаны чем-то тёмным, что Себастьян не смог сразу идентифицировать, но что позже оказалось обычной типографской краской — той самой, которой пользовались в ремонтной мастерской станции. Слова были написаны аккуратным детским почерком, с буквами, округлыми и немного несимметричными, какие бывают у детей, только начинающих писать.

Слова были: «Не отпускай её».

Себастьян не показал эту надпись капитану. Она не видела её, потому что лежала у него на руках с закрытыми глазами. Он сделал мысленную пометку и продолжил путь. Он не знал, почему он скрыл эту информацию от капитана. Это было нарушение протокола. Это было нарушение его базовых настроек. Но он сделал это, и позже, анализируя собственное поведение, он не смог найти рационального объяснения своему поступку. Это пугало его больше, чем что-либо другое в тот вечер.

Доктор Эльгин ждал их у входа в медицинский отсек. Это был высокий худой мужчина лет пятидесяти, с длинным узким лицом и глазами, которые казались двумя прорезями в маске. Он носил очки — редкую странность в эпоху, когда любую проблему со зрением можно было исправить за пятнадцать минут в любой клинике. Эльгин говорил, что очки помогают ему думать. Себастьян считал это эксцентричностью, но не возражал, потому что эксцентричность не была нарушением.

— Положите её на кушетку, — сказал Эльгин, и Себастьян выполнил приказ. Капитан не открывала глаз. Её дыхание было ровным, но пульс был учащён — сто двадцать ударов в минуту. Эльгин проверил зрачки, приложил стетоскоп к груди, измерил давление.

— Шок, — сказал он. — Не физический, а психологический. Я дам ей седативное. Она проспит часов восемь-десять. Себастьян, что произошло?

Себастьян рассказал. Он рассказал всё, начиная с момента, когда мигнул свет в каюте капитана, и заканчивая моментом, когда он принёс её в медицинский отсек. Он не упомянул только надпись на стене. Эльгин слушал молча, и его узкое лицо не выражало ничего.

— Голос ребёнка из всех динамиков, — повторил он, когда Себастьян закончил. — Фигура в белом в коридоре. Растворение при контакте. И всё это произошло в течение трёх минут.

— Две минуты сорок одна секунда, — уточнил Себастьян.

— И никто другой из экипажа не видел фигуру.

— Нет. Лейтенант Сабель видела её на камере, но не лично. Резник в машинном отделении слышал голос, но не выходил из отсека. Остальные члены экипажа находились в своих каютах и слышали только голос.

Эльгин снял очки и протёр их краем халата. Это был жест, который Себастьян видел у него много раз — он означал, что Эльгин думает.

— Себастьян, — сказал Эльгин, не поднимая глаз. — Я задам тебе вопрос, и я хочу, чтобы ты ответил мне честно. Не как робот, не как психолог, не как член экипажа. Как наблюдатель, который видел всё это своими сенсорами. Ты понимаешь разницу?

— Я понимаю, — сказал Себастьян, хотя на самом деле он не вполне понимал. Но он мог смоделировать то, что имел в виду Эльгин, и это было достаточно.

— Что это было? — спросил Эльгин.

Себастьян помолчал. Это была пауза, которую он использовал редко, потому что его позитронный мозг мог обрабатывать запросы практически мгновенно. Но сейчас ему нужна была пауза, потому что он не знал ответа. Это было новое ощущение — не знать ответа на прямой вопрос. Он не мог вспомнить, когда это случилось с ним в последний раз.

— Я не знаю, — сказал он. — Я не могу классифицировать произошедшее в рамках известных мне физических или психологических теорий. Если бы я должен был предложить гипотезу, я бы предложил две. Первая: кто-то или что-то целенаправленно воздействовало на систему связи станции и на психологическое состояние капитана. Вторая: мы столкнулись с явлением, которое выходит за пределы нашего понимания природы.

— А третья? — спросил Эльгин.

— Третьей нет, — сказал Себастьян.

Эльгин надел очки и посмотрел на него поверх стёкол.

— Третья есть, — сказал он. — Третья — это то, во что верит капитан. Третья — это то, что её дочь действительно пыталась связаться с ней. Не как метафора, не как символ, не как проекция. Буквально. Девочка, которая умерла на Земле, пришла на станцию за тридцать два парсека от дома, чтобы позвать маму. Как ты думаешь, почему я не предлагаю эту гипотезу?

— Потому что она противоречит законам физики, — сказал Себастьян.

— Нет, — сказал Эльгин. — Не поэтому. А потому что если она верна, то всё, что мы знаем о мире, — неверно. И если всё, что мы знаем о мире, неверно, то мы не можем доверять ничему — ни нашим инструментам, ни нашим чувствам, ни нашим мыслям. А если мы не можем доверять ничему, то мы не можем действовать. А если мы не можем действовать, то мы погибнем. Поэтому мы не можем позволить себе даже рассматривать эту гипотезу. Не потому что она неверна. А потому что мы не можем себе позволить, чтобы она была верной. Ты понимаешь разницу?

Себастьян помолчал. Потом сказал:

— Я понимаю разницу. Но я не могу согласиться с вашим рассуждением. Истина не зависит от того, можем ли мы её вынести.

Эльгин улыбнулся. Это была невесёлая улыбка.

— Я знал, что ты это скажешь, — сказал он. — И в какой-то мере я с тобой согласен. Но сейчас у меня на кушетке лежит капитан станции, которая только что обнимала что-то, что выглядело как её мёртвая дочь, и это что-то растворилось у неё в руках. И через восемь часов она проснётся, и мне нужно будет ей что-то сказать. И я не могу сказать ей, что её дочь приходила с того света. Потому что если я скажу ей это, она не переживёт следующей ночи. Она пойдёт искать Алису. И найдёт её. Или нет. И в любом случае мы потеряем капитана.

— Что вы скажете ей? — спросил Себастьян.

— Я скажу ей, что это была галлюцинация, — сказал Эльгин. — Что стресс и медикаменты вызвали зрительный и слуховой эпизод. Что мы скорректируем лечение. Что ей нужно больше отдыхать. Что всё будет хорошо. И я буду лгать. И я буду знать, что я лгу. И ты будешь знать, что я лгу. И мы оба будем жить с этим, потому что альтернатива хуже.

Себастьян кивнул. Он не мог возразить. Эльгин был прав в своём анализе последствий, даже если он был не прав в отношении истины. Это был ещё один случай, когда Себастьян сталкивался с противоречием, которое не мог разрешить. Он записал его в свой личный файл под заголовком «Случай Эльгина — этика лжи во спасение» и закрыл файл.

В ту ночь на станции «Горизонт-7» не спал никто. Голос девочки больше не повторялся. Фигура в белом больше не появлялась. Но надпись на стене коридора Д-семь осталась, и Себастьян вернулся к ней позже, один, и стоял перед ней долго, и анализировал краску, и буквы, и почерк, и не мог понять, кто мог её написать. В ремонтной мастерской не хватало одной банки краски. Но в мастерской в тот вечер никто не был. Камеры наблюдения показывали пустой коридор мастерской с двадцати часов до двадцати одного тридцати. Надпись появилась в окно между двадцатью одной семнадцатью и двадцатью одной двадцатью. В этом окне никто не входил в мастерскую и не выходил из неё.

Себастьян стоял перед надписью и читал три слова снова и снова. «Не отпускай её». Он пытался понять, к кому обращена эта фраза. К капитану, которая отпустила — или не смогла удержать — фигуру, которую приняла за дочь? К нему самому, который нёс капитана на руках и не «отпускал» её до медицинского отсека? К кому-то ещё, кого он не мог увидеть?

Или это было предупреждение? Не прошлое, а будущее. Не «не отпускай», а «не отпускай, когда придёт время». Когда придёт время — что? Кого?

Себастьян не знал ответов. Он стоял перед тремя словами, написанными детским почерком на стене станции за тридцать два парсека от Земли, и его позитронный мозг, содержащий восемьдесят шесть триллионов нейронных связей, впервые за шестнадцать лет существования не мог найти ни одного логического пути вперёд.

Где-то в глубине станции, в машинном отделении, инженер Константин Резник, который не вышел из своего отсека весь вечер, сидел перед пультом управления и смотрел на один из мониторов. На мониторе была запись камеры коридора Д-семь. Запись начиналась в двадцать один час семнадцать минут и заканчивалась в двадцать один час двадцать минут. Резник просматривал её четвёртый раз. И на четвёртом просмотре он наконец увидел то, чего не заметил в первые три.

Когда фигура в белом откинула капюшон, и Себастьян стоял в конце коридора, и капитан стояла на коленях перед фигурой, в кадре на долю секунды появилось ещё одно лицо. Лицо, которого не было ни в списке экипажа, ни в списке пассажиров, ни в каких-либо базах данных. Лицо мужчины средних лет, с окладистой бородой и тёмными глазами, которое смотрело прямо в камеру — не на капитана, не на Себастьяна, не на фигуру в белом. В камеру. Как будто оно знало, что его снимают. Как будто оно хотело, чтобы его увидели.

Резник остановил запись. Он увеличил кадр. Лицо мужчины смотрело на него с экрана. Резник знал это лицо. Он видел его в учебниках истории. Это было лицо доктора Аркадия Светлова, исследователя, который руководил первой экспедицией в Тёмный Сектор в двадцать втором веке. Экспедицией, из которой не вернулся ни один корабль. Экспедицией, о которой было написано в отчётах: «Экспедиция пропала без вести. Причина неизвестна. Поисковые работы прекращены в связи с решением командования».

Резник выключил монитор. Он откинулся в кресле и закрыл глаза. Его руки дрожали. Он был инженером с двадцатилетним стажем, он служил на восьми станциях, он видел пожар в открытом космосе и разгерметизацию отсека, он терял коллег и сам однажды едва не погиб. Но никогда в жизни он не испытывал того, что испытывал сейчас.

Страх. Не страх перед опасностью — страх перед знанием. Страх перед тем, что он теперь знал нечто, чего не должен был знать. Нечто, что меняло всё.

Резник открыл глаза. Он посмотрел на свой личный коммуникатор, на котором мигал значок непрочитанного сообщения. Сообщение пришло в двадцать один час двадцать одну минуту — через минуту после того, как фигура в белом растворилась. Отправитель значился как «НЕИЗВЕСТНЫЙ». Текст сообщения состоял из одного слова:

«Скоро».

Резник смотрел на это слово долго. Потом закрыл коммуникатор, положил его в карман и встал. Ему нужно было идти к капитану. Ему нужно было рассказать всё, что он видел. Но ноги не двигались. Он стоял в машинном отделении, окружённый гулом генераторов и мерцанием индикаторов, и не мог сделать шаг.

Потому что он знал. Он знал с той ясностью, которая приходит к человеку только раз в жизни, когда он видит нечто, что невозможно отрицать. Он знал, что всё, чему его учили в академии — все формулы, все уравнения, все законы физики — было лишь тонкой коркой, натянутой над бездной. И что в эту бездну только что упала станция «Горизонт-7». И что через несколько часов — или дней, или недель, это уже не имело значения — бездна начнёт отвечать.

Где-то далеко, в тридцати двух парсеках отсюда, на маленьком кладбище в пригороде Новосибирска, на могиле Алисы Воробьёвой кто-то положил свежие цветы. Это было невозможно, потому что на кладбище в тот момент не было ни одного живого человека. Камеры наблюдения кладбища зафиксировали, что цветы появились в три часа семнадцать минут по новосибирскому времени — в тот же самый момент, когда на станции «Горизонт-7» фигура в белом растворилась в руках капитана. Связь между двумя событиями не могла быть установлена никакими известными законами физики. Но она существовала.

И кто-то — или что-то — знал об этой связи. И хотел, чтобы о ней знали другие.

Станция «Горизонт-7» дрейфовала в пустоте, окружённая безмолвной тьмой. Её системы работали в штатном режиме. Её экипаж спал — или не спал, что было более точным. Её роботы стояли на своих местах, ожидая утра. И где-то в глубине её металлических коридоров, в стене, в краске, в трёх словах, написанных детским почерком, ждало послание. Послание, которое ещё никто не прочитал правильно. Послание, которое изменит всё.

«Не отпускай её».

Но кого — «её»? И кто должен был не отпускать? И что произойдёт, когда её отпустят?

Эти вопросы повисли в воздухе станции, как невидимые частицы, и никто не знал, что они уже начали оседать — на стены, на потолки, на кожу спящих людей, в позитронные мозги роботов. Они оседали и ждали. Они были терпеливы. У них было много времени.

Гораздо больше, чем у кого-либо на борту.

Глава 2. Тридцать семь ступеней.

Утро следующего дня наступило на станции «Горизонт-7» по расписанию — в шесть часов ноль минут солнце имитации взошло над потолком жилого отсека, и мягкий розовый свет залил коридоры, постепенно переходя в привычный белый. Экипаж станции просыпался в своих каютах, и каждый из двенадцати человек, лежавших в тот момент на койках, просыпался с чувством, которое невозможно было объяснить никакими физическими параметрами. Это было чувство, словно что-то изменилось за ночь. Не в самих людях — в станции. В воздухе. В тишине. В том, как гудели генераторы, как шуршала вентиляция, как мигали индикаторы на пультах. Всё было как обычно. И ничего не было как обычно.

Себастьян стоял у входа в медицинский отсек и наблюдал, как доктор Эльгин проверяет состояние капитана. Капитан спала — седативное, которое ввёл Эльгин, действовало ещё около четырёх часов. Лицо её во сне было спокойным, почти детским, и Себастьян с трудом узнавал в этом лице ту женщину, которая несколько часов назад кричала в пустом коридоре, прижимая к груди воздух.

Эльгин закончил осмотр и подошёл к Себастьяну. В руках он держал планшет с результатами анализов.

— Физически она в порядке, — сказал он тихо. — Пульс, давление, температура — всё в норме. Но я не знаю, что будет, когда она проснётся. Себастьян, я должен спросить тебя кое-что.

— Слушаю, доктор.

— Ты записал всё, что видел вчера?

— Да. Полная запись хранится в моём личном файле. Включая звук, видео с моих оптических сенсоров, и измерения всех физических параметров.

— Я хочу, чтобы ты передал мне копию. Не официальную. Личную.

Себастьян помолчал. Это была необычная просьба. По протоколу все записи робота были доступны командованию станции, но не отдельным членам экипажа. Передача личной копии могла быть истолкована как нарушение субординации.

— Доктор Эльгин, — сказал Себастьян, — я не могу этого сделать без разрешения капитана.

— Капитан спит и будет спать ещё четыре часа. К тому времени, как она проснётся, нам нужно знать больше, чем мы знаем сейчас. Я не прошу тебя нарушить протокол. Я прошу тебя довериться мне. Ты знаешь, что я не использую эту информацию во вред кому-либо.

Себастьян анализировал ситуацию. Эльгин был прав в одном: они не могли ждать четыре часа. Вчерашние события требовали анализа, и чем быстрее, тем лучше. Но Себастьян не мог нарушить протокол. Это было заложено в его базовые настройки.

— Я предлагаю компромисс, — сказал он. — Я не передам вам копию записи. Но я готов обсудить с вами содержание записи в устной форме, отвечая на ваши вопросы в той мере, в какой это не нарушает конфиденциальность капитана.

Эльгин кивнул. Это было лучше, чем ничего.

— Хорошо. Тогда первый вопрос. Что ты видел, когда фигура растворилась? Не в общих чертах. Подробно.

Себастьян закрыл глаза — это был жест, который он перенял у людей, хотя для него не имел функционального значения. Но он помогал ему сосредоточиться.

— Фигура не растворилась в обычном смысле, — сказал Себастьян. — Она распалась на частицы. Очень маленькие, гораздо меньше атомов. Я не смог их идентифицировать. Они не были фотонами, не были электронами, не были ничем из известного мне зоопарка элементарных частиц. Они были... ничем. Они были отсутствием. Как будто фигура состояла из особого вида материи, которая при контакте с обычной материей превращалась в ничто.

— В ничто, — повторил Эльгин. — Это физически невозможно. Закон сохранения энергии...

— Я знаю, — сказал Себастьян. — Тем не менее, это то, что я наблюдал. Я не могу объяснить это в рамках известных физических законов. Я могу только констатировать факт.

Эльгин снял очки и снова начал протирать их краем халата. Это был жест глубокой задумчивости.

— Себастьян, — сказал он наконец. — Я расскажу тебе кое-что, чего не знает никто на этой станции, кроме меня. И, может быть, Резника, хотя я не уверен, что он помнит. Это о Тёмном Секторе. О том, что там произошло сорок лет назад.

Себастьян ждал. Эльгин огляделся, хотя в медицинском отсеке кроме них никого не было, и понизил голос до шёпота.

— Я был молодым врачом, когда экспедиция Светлова отправилась в Тёмный Сектор. Мне было двадцать восемь лет. Я работал в отделении психиатрии центрального госпиталя флота, и к нам поступили трое из тех, кто вернулся из последнего сектора перед Тёмным. Они не были в самой экспедиции, но они были на станции «Свет-4», которая принимала радиосообщения от экспедиции в течение первых двух недель. После двух недель связь прекратилась. И эти трое — операторы связи — начали слышать голоса.

— Какие голоса? — спросил Себастьян.

— Голоса своих умерших родственников, — сказал Эльгин. — Голоса людей, которых они любили и потеряли. Голоса, которые звучали из динамиков, когда динамики были выключены. Голоса, которые звучали из воздуха, когда рядом не было ничего, что могло бы их воспроизвести. Голоса, которые отвечали на вопросы. Которые знали вещи, которые не могли знать посторонние. Которые обещали вернуться. Которые просили прийти к ним.

Себастьян молчал. Описание было до жуткого знакомым.

— Их лечили, — продолжал Эльгин. — Сначала думали, что это коллективная галлюцинация, вызванная стрессом. Потом — что это результат воздействия какого-то излучения из Тёмного Сектора. Потом — что это психическое заражение. В конце концов, их отправили в закрытый санаторий на Земле, и больше я о них ничего не слышал. Но перед тем, как их отправили, я разговаривал с одним из них. С оператором по имени Левченко. Он сказал мне кое-что, что я запомнил на всю жизнь.

— Что он сказал?

— Он сказал: «Эльгин, это не галлюцинации. Это не безумие. Они действительно приходят. Но они не те, кем были при жизни. Они — маски. За каждой маской что-то прячется. Что-то, что хочет войти. Что-то, что не может войти само, потому что наш мир несовместим с ним. И оно использует наших мёртвых, чтобы мы открыли дверь».

Себастьян молчал. В его позитронном мозгу формировались и разрушались гипотезы с такой скоростью, что он едва успевал их регистрировать.

— Я не поверил ему тогда, — сказал Эльгин. — Я думал, что он сумасшедший. Я был молодым врачом, я верил в науку, я верил в разум, я верил, что всё имеет объяснение. Но потом я прочитал отчёты о других экспедициях. О тех, что отправлялись в Тёмный Сектор после Светлова. Их было семь. Из семи вернулась одна. И та — без экипажа. Корабль пришёл на автопилоте, со всеми системами в порядке, но без единого человека на борту. И на стенах корабля были надписи. Сделанные краской. Детским почерком.

Себастьян вздрогнул. Если бы он был человеком, его бы прошиб холодный пот. Но он был роботом, и реакция его ограничилась микроскопическим повышением внутренней температуры позитронного мозга на ноль целых две десятых градуса.

— Что было написано? — спросил он.

— Разные вещи, — сказал Эльгин. — На разных языках. На русском, на английском, на китайском, на арабском. Но все они сводились к одному: «Мы ждём вас. Мы ждём вас. Мы ждём вас». И ещё одна надпись была на всех кораблях. Одинаковая. Слово в слово. На всех семи.

— Какая?

— «Не отпускай её», — сказал Эльгин.

В медицинском отсеке повисла тишина. Себастьян стоял неподвижно, и его позитронный мозг работал на пределе возможностей, пытаясь связать две информации — надпись в коридоре Д-семь, которую он видел прошлой ночью, и надписи на кораблях, вернувшихся из Тёмного Сектора.

— Теперь ты понимаешь, почему я не спал эту ночь, — сказал Эльгин. — Это не совпадение. Не может быть совпадением. Кто бы ни писал эти надписи на кораблях сорок лет назад, он пишет их сейчас на нашей станции. И он использует тот же почерк. Тот же стиль. Те же слова. Себастьян, мы не первые, с кем это происходит. Но мы можем быть последними, у кого есть шанс понять, что это такое.

— Что вы предлагаете? — спросил Себастьян.

— Я предлагаю собраться. Я, ты, Резник и Сабель. Четыре человека. Мы должны решить, что делать, прежде чем капитан проснётся. Она не в состоянии принимать решения. И даже если бы была в состоянии, она слишком близка к тому, что происходит. Она не сможет мыслить объективно.

— А вы можете? — спросил Себастьян.

Эльгин посмотрел на него долго. Потом улыбнулся — той же невесёлой улыбкой, что и прошлой ночью.

— Нет, — сказал он. — Я тоже не могу. Но я могу хотя бы попытаться.

Они встретились в кают-компании станции через тридцать минут. Кают-компания была самым большим помещением на «Горизонте-7» — двенадцать метров в длину, шесть в ширину, три в высоту. Стены были того же серо-зелёного цвета, что и в коридорах, но потолок был прозрачным — за ним медленно вращались звёзды, и это создавало иллюзию, что кают-компания висит в пустоте, отделённая от космоса только тонкой плёнкой воздуха.

Лейтенант Анна Сабель пришла первой. Ей было двадцать шесть лет, она была невысокой женщиной с коротко стриженными светлыми волосами и серьёзным лицом. Она была младшим офицером на станции, и Себастьян знал, что она надеялась на быстрое повышение — «Горизонт-7» был для неё ступенькой к более интересной карьере. Вчера вечером она впервые в жизни увидела нечто, чему не могло быть рационального объяснения, и Себастьян видел по её лицу, что она ещё не справилась с этим.

— Доброе утро, Себастьян, — сказала она, входя. — Доктор Эльгин. Я просмотрела все записи с камер за вчерашний вечер. Хотите знать, что я нашла?

— Хотим, — сказал Эльгин.

— Я нашла тридцать семь аномалий, — сказала Сабель. — Тридцать семь. За один вечер. И это только то, что зафиксировали камеры. Я не знаю, что не зафиксировали.

— Какие аномалии? — спросил Себастьян.

— Разные, — сказала Сабель. Она положила планшет на стол и начала перечислять. — Семнадцать кратковременных изменений освещения в разных коридорах. Шесть эпизодов температурных колебаний. Четыре случая, когда камеры показывали пустой коридор, а в следующем кадре в коридоре кто-то был. Два случая, когда в коридоре кто-то был, а в следующем кадре исчезал. Один случай — тот, что с фигурой в белом. И ещё семь случаев, которые я не могу классифицировать. Это просто... странные кадры. Я покажу вам.

Она вывела первый кадр на большой экран кают-компании. Кадр был из коридора Б-четыре, снятый в двадцать один час двадцать три минуты. На кадре была видна стена коридора и часть пола. Ничего необычного. Но Сабель увеличила правый нижний угол кадра, и Себастьян увидел то, чего не заметил сразу.

На стене, в углу, была тень. Тень человека, хотя в коридоре не было никого, кто мог бы её отбрасывать. Тень была чёткой, как будто кто-то стоял прямо перед источником света. Но источника света, который мог бы её отбросить, тоже не было. И самое странное — тень была неправильной формы. У неё было слишком много пальцев на руках. Слишком длинные ноги. Слишком маленькая голова.

— Это первая, — сказала Сабель. — Вот вторая.

Второй кадр был из машинного отделения, снятый в двадцать один час тридцать одну минуту. На кадре был виден Резник, сидящий за пультом. На стене за его спиной была тень. Тень была больше, чем тень Резника. И у неё было две головы.

— Третья, — сказала Сабель.

Третий кадр был из лаборатории Эльгина. Сам Эльгин сидел за столом и смотрел в микроскоп. На стене за его спиной была тень. Эта тень не была похожа на человеческую. Она была длинной, извилистой, с множеством отростков, как щупальца. И она, казалось, тянулась к Эльгину.

Эльгин смотрел на свой собственный снимок и молчал. Себастьян видел, как побледнели его костяшки на краю стола.

— И так далее, — сказала Сабель. — Семь кадров. Семь теней. Все в местах, где их не должно быть. Все неправильной формы. Все словно тянущиеся к кому-то.

В этот момент в кают-компанию вошёл Резник. Он был высокого роста, с короткой стрижкой и лицом, покрытым ранними морщинами. Ему было сорок три года, и он провёл в космосе двадцать лет — дольше, чем кто-либо на станции. Он был молчалив, замкнут, и Себастьян знал, что в его личном деле была отметка «участник инцидента на станции Север-9, подробности засекречены». Что произошло на Север-9, Себастьян не знал. Никто на «Горизонте-7» не знал.

Резник сел за стол, не поздоровавшись. Он посмотрел на экран, где всё ещё была тень из лаборатории Эльгина, и сказал:

— Вы уже видели.

— Видели, — сказал Эльгин. — Резник, мне нужно, чтобы ты рассказал нам о Север-9.

Резник вздрогнул. Это было заметно — он вздрогнул всем телом, как от удара током. Потом посмотрел на Эльгина долгим взглядом, в котором Себастьян прочитал многое: страх, злость, облегчение, и — самое главное — усталость. Усталость человека, который слишком долго носил тайну.

— Откуда вы знаете? — спросил Резник.

— Я не знаю. Я догадываюсь. Тени на стенах. Голоса из динамиков. Фигуры в коридорах. Это не первый раз, когда ты с этим сталкиваешься, верно?

Резник молчал долго. Потом сказал:

— Пятнадцать лет. Пятнадцать лет я никому не рассказывал. И теперь вы хотите, чтобы я рассказал за пять минут.

— У нас может не быть пяти минут, — сказал Эльгин. — Вчера капитан обнимала что-то, что выглядело как её мёртвая дочь. Сегодня утром, когда я проверял камеры, я увидел, что кто-то — или что-то — ходил по станции ночью. Все двенадцать камер зафиксировали движение. Но ни одна камера не зафиксировала, что именно двигалось. Только тень. Только намёк на движение. Резник, если ты знаешь, что это такое, мы должны знать тоже.

Резник встал. Он подошёл к прозрачному потолку и посмотрел на звёзды. Стоял так минуту. Потом обернулся.

— Ладно, — сказал он. — Я расскажу. Но вы должны понимать, что то, что я расскажу, не вписывается ни в какие рамки. Я сам до сих пор не верю, что это было. И иногда, по ночам, я надеюсь, что мне всё приснилось. Но я знаю, что нет.

Он сел обратно и начал говорить.

— Станция Север-9 была полярной станцией на одном из спутников Юпитера. Я был там главным инженером. Нас было пятнадцать человек. Станция была новой, всего два года от роду, всё работало как часы. Зима в тех краях длится четырнадцать земных лет, и мы были в самом её начале. До весны было ещё двенадцать лет. Двенадцать лет полярной ночи.

— Полярная ночь на спутнике Юпитера — это не то, что полярная ночь на Земле, — продолжил Резник. — На Земле полярная ночь — это просто отсутствие солнца. На Каллисто, где мы были, полярная ночь — это отсутствие всего. Солнце не просто заходит — оно исчезает. Звёзды не просто появляются — они становятся единственным светом. И в этом свете, в этой темноте, есть что-то, чего нет в обычной темноте. Что-то, что ждёт. Что-то, что слушает.

Резник помолчал, и Себастьян видел, как дрожат его руки.

— На третий месяц нашей зимы начались сны, — сказал Резник. — Одинаковые сны у всех пятнадцати человек. Мы не знали об этом сначала — каждый думал, что это только у него. Но на пятый месяц мы начали говорить. И оказалось, что всем нам снится одно и то же. Длинный коридор. Стены из чёрного камня. В конце коридора — дверь. За дверью — свет. И голос, который зовёт по имени. Голос кого-то, кого мы потеряли. У каждого — свой.

— У меня это был голос моего отца, — продолжил Резник. — Он умер, когда мне было двенадцать. Я помнил его голос. Я знал его голос. И во сне он звал меня. «Костя, — говорил он, — Костя, иди сюда. Костя, я нашёл кое-что важное. Костя, иди, я жду тебя». И я шёл. По коридору. К двери. И каждый раз, когда я подходил к двери, я просыпался.

— А потом кто-то не проснулся, — сказал Эльгин. Это не было вопросом.

— Да, — сказал Резник. — Миша Карпов. Наш биолог. Ему было тридцать два года. Жена, двое детей на Земле. Он не вышел из своей каюты утром. Мы вошли — он лежал на кровати. Глаза открыты. Лицо спокойное. Улыбка на губах. Мёртвый. Вскрытие показало — остановка сердца. Никаких следов насилия. Никаких ядов. Никаких болезней. Просто остановка сердца в тридцать два года.

— Мы подумали — несчастный случай. Стресс, усталость, полярная ночь. Командование прислало соболезнования и рекомендацию «усилить психологический мониторинг». Мы продолжили работу. Через неделю — второй. Татьяна Лозовая, врач станции. Тридцать семь лет. Тоже остановка сердца. Тоже улыбка на губах. Тоже во сне.

— И тогда мы поняли, что это не совпадение, — сказал Резник. — Мы начали следить друг за другом. По очереди дежурили у спящих. Запрещали другому спать одному. Но это не помогало. Люди умирали по одному. Третий. Четвёртый. Пятый. Каждый раз — во сне. Каждый раз — улыбка. Каждый раз — остановка сердца.

Резник остановился. Он смотрел в стол. Себастьян видел, что по его лицу прошла тень — не метафорическая тень, а настоящая, физическая, от света экрана за его спиной. Но в этой тени было что-то, что Себастьян не мог объяснить. Что-то неправильное. Он отметил это и продолжил слушать.

— Когда нас осталось восемь, — сказал Резник, — мы решили не спать вообще. Мы принимали стимуляторы. Мы ходили по станции круглыми сутками. Мы разговаривали друг с другом, чтобы не уснуть. Это было безумие. На седьмой день без сна люди начали видеть вещи. Тени на стенах. Голоса в вентиляциях. Лица в иллюминаторах. Мы думали, что это галлюцинации от усталости. Но камеры фиксировали то же, что видели мы.

— На десятый день без сна умер Саша Володин. Не во сне — наяву. Он стоял у иллюминатора и смотрел в темноту. И вдруг — крик. Мы подбежали — он лежал на полу. Глаза открыты. Сердце остановилось. Но на лице его было не улыбка. На лице его был ужас. Такой ужас, какого я не видел в своей жизни и надеюсь никогда не увидеть. Как будто он увидел что-то за иллюминатором. Что-то, что шло к нему из темноты. Что-то, что он узнал.

— Что он увидел? — спросила Сабель.

— Мы не знаем, — сказал Резник. — Но когда мы посмотрели на запись с камеры у иллюминатора, мы увидели, что в тот момент, когда Володин закричал, в темноте за иллюминатором мелькнуло лицо. Лицо девушки. Молодой, лет двадцати. Мы не знали этой девушки. Но Володин знал. Мы нашли потом в его вещах фотографию. Его сестра. Погибла за три года до этого в автокатастрофе.

В кают-компании повисла тишина. Себастьян слышал, как гудят лампы под потолком. Слышал, как шуршит вентиляция. Слышал, как бьётся сердце у Сабель — девяносто два удара в минуту, значительно выше нормы. Слышал, как дышит Эльгин — коротко, прерывисто, как человек, который сдерживается.

— Когда нас осталось четверо, — продолжил Резник, — мы решили эвакуироваться. У нас был аварийный корабль на четырёх человек. Мы собрались. Мы сели в корабль. Мы запустили двигатели. И в тот момент, когда корабль оторвался от станции, я увидел в иллюминаторе, как станция Север-9... изменяется. Её контуры становятся нечёткими. Её окна начинают светиться неестественным светом — не белым, не жёлтым, а каким-то другим, которому я не могу дать названия. И из каждого окна на меня смотрит лицо. Четырнадцать лиц. Лица тех, кто умер на станции. И все они улыбаются. Все до одного.

— И все они машут мне рукой, — сказал Резник. — Как будто прощаются. Как будто благодарят. Как будто зовут вернуться.

Резник замолчал. Он сидел неподвижно, и Себастьян видел, что глаза его сухие, но лицо серое, как пепел.

— Мы вернулись на Землю, — сказал он наконец. — Нас четверо. Из пятнадцати. Командование провело расследование. Официальная версия — «массовое отравление неизвестным веществом, приведшее к галлюцинациям и сердечной недостаточности». Неофициальная — мы все подписали соглашение о неразглашении. Нас рассредоточили по разным станциям. Я

попал сюда. Другие — на другие концы обитаемого космоса. Я не знаю, что с ними стало. Я не искал. Боялся искать.

— И вы думаете, что то, что произошло на Север-9, происходит сейчас здесь? — спросил Сабель.

— Я не думаю, — сказал Резник. — Я знаю. Те же симптомы. Те же признаки. Те же тени на стенах. Те же голоса. Те же фигуры. Мы в начале того же цикла. И если мы не сделаем что-то, мы закончим так же, как Север-9.

— Но что мы можем сделать? — спросила Сабель. — Если это не поддаётся физическому объяснению...

— Именно поэтому я здесь, — сказал Эльгин. — Потому что если это не поддаётся физическому объяснению, мы должны искать другое объяснение. И у меня есть гипотеза. Безумная, ненаучная, противоречащая всему, во что я верил всю жизнь. Но единственная, которая объясняет все факты.

— Какая? — спросил Резник.

Эльгин встал. Он подошёл к прозрачному потолку и посмотрел на звёзды. Себастьян видел его лицо в профиль — острый нос, впалые щёки, тёмные глаза за стёклами очков. Лицо человека, который собирается сказать нечто, что изменит всё.

— Что если смерть — это не конец? — сказал Эльгин. — Что если смерть — это переход? Не в какое-то мистическое «царство мёртвых», а в другое состояние материи. Состояние, которое сосуществует с нашим, но обычно не взаимодействует с ним. Состояние, в котором сознание продолжает существовать, но не может влиять на наш мир напрямую.

— Но иногда, — продолжил он, — граница между состояниями истончается. В определённых местах. В определённых условиях. Может быть, в определённые моменты времени. И тогда существа из другого состояния могут... просачиваться. Не полностью. Не надолго. Достаточно, чтобы быть увиденными. Достаточно, чтобы быть услышанными. Недостаточно, чтобы остаться.

— И они приходят к тем, кого любили, — сказал он. — Не потому что хотят напугать. А потому что это единственная связь, которая у них осталась. Единственная нить, которая ещё связывает их с миром живых. Но за ними, в том другом состоянии, есть что-то ещё. Что-то, что не является умершими людьми. Что-то, что использует их, как приманку. Что-то, что хочет войти в наш мир и не может, потому что наш мир несовместим с ним. И оно использует любовь живых к мёртвым, чтобы открыть дверь.

— А когда дверь открывается, — сказал он, — оно входит. И забирает. Не тела. Что-то другое. Что-то, без чего тело не может жить. Что-то, что мы называем жизнью, но что на самом деле — нечто гораздо большее.

Эльгин замолчал. Сабель сидела бледная, как полотно. Резник смотрел в стол. Себастьян стоял неподвижно, и в его позитронном мозгу бушевал шторм.

— Это безумие, — сказала Сабель. — Доктор Эльгин, вы это понимаете. Это полное безумие. Это не наука. Это мистика. Это...

— Я знаю, — сказал Эльгин. — Я знаю, что это звучит как безумие. Но я прошу вас подумать. Подумать о вчерашних событиях. О голосе ребёнка из всех динамиков. О фигуре в белом. О тени на стенах. О надписи в коридоре. Объясните мне это научным путём. Любым научным путём. Я слушаю.

Сабель открыла рот. Закрыла. Себастьян видел, как она пытается сформулировать объяснение, и как объяснение ускользает от неё, как вода сквозь пальцы.

— Я не могу, — сказала она наконец. — Я не могу объяснить это научным путём.

— Вот именно, — сказал Эльгин. — Мы не можем объяснить это научным путём. Значит, либо мы чего-то не знаем о науке, либо наука чего-то не знает о мире. И пока мы не выясним, что из этого верно, мы должны рассматривать все гипотезы. Даже безумные.

В этот момент по системе внутренней связи раздался звук. Мягкий, мелодичный, как колокольчик. Это был сигнал вызова из командного отсека. Сабель подошла к панели связи.

— Сабель слушает.

— Это Лобанов, — раздался голос одного из техников. — Лейтенант, вам нужно прийти в командный отсек. Срочно. Мы... мы приняли радиосообщение.

— Откуда?

— Из Тёмного Сектора.

Сабель посмотрела на Эльгина. Эльгин посмотрел на Резника. Резник посмотрел на Себастьяна. Себастьян не мог смотреть на кого-либо, потому что его оптические сенсоры были заняты регистрацией новой аномалии: тени на стене кают-компания, которая не была тенью ни одного из присутствующих. Тени, которая имела форму женщины с длинными волосами. Тени, которая медленно поднимала руку и указывала на потолок.

На звёзды. На Тёмный Сектор.

Себастьян не сказал ничего. Он отметил тень в своём файле и последовал за остальными в командный отсек. Он знал, что сегодняшний день будет длинным. Он знал, что это только начало. Он знал, что худшее — впереди.

Но он не знал, насколько худшее. И не знал, что к концу дня на станции «Горизонт-7» останется одиннадцать человек из двенадцати. И что одиннадцатый — будет не тем, кем был утром.

Командный отсек станции «Горизонт-7» представлял собой круглое помещение диаметром восемь метров, с потолка которого свисал голографический проектор, обычно показывавший трёхмерную карту окрестного пространства. Сейчас проектор был выключен, и вместо

него на центральном пульте мигал красным индикатор входящего радиосообщения — индикатор, который не загорался на этой станции уже одиннадцать лет.

Техник Лобанов — молодой человек двадцати четырёх лет, с испуганным лицом и трясущимися руками — стоял у пульта. Он был бледнее, чем Сабель, и Себастьян отметил, что пульс у него был сто двадцать восемь ударов в минуту. Это было опасно.

— Лобанов, — сказала Сабель ровным голосом. — Доложите обстановку.

— Сообщение пришло четыре минуты назад, — сказал Лобанов. — На частоте, которая не используется ни одним известным нам источником. Источник — точка в Тёмном Секторе, координаты шесть-семь-семь-тета-двенадцать. Я проверил — в этом месте никогда не было ни станции, ни корабля, ни зонда. Это... пустое место. Но оттуда идёт сигнал.

— Что в сигнале? — спросил Эльгин.

— Сначала — помехи, — сказал Лобанов. — Потом — голос. Мужской. Говорит по-русски. Без акцента. Говорит медленно, как будто диктует. Я записал всё. Хотите послушать?

Эльгин кивнул. Лобанов нажал кнопку воспроизведения.

Сначала из динамиков пошёл белый шум — ровный, плотный, как звук водопада. Потом шум прорезал голос. Мужской, негромкий, с лёгкой хрипотцой. Себастьян сразу опознал в нём голос человека, говорящего на неродном языке, но говорящего хорошо — без ошибок, но с характерной ритмикой, выдающей иностранца. Или человека, который долго жил среди иностранцев и утратил естественность родной речи.

«Это доктор Аркадий Светлов, — сказал голос. — Я обращаюсь к экипажу станции Горизонт-семь. Я знаю, что вы слышите меня. Я знаю, что вы видели её. Я знаю, что вы боитесь. Не бойтесь. Она не причинит вам вреда. Она не может причинить вред. Она просто ищет дорогу домой. И вы должны помочь ей. И вы должны помочь нам. Мы ждём вас. Мы ждём вас уже сорок лет. Скоро будет время. Скоро будет дверь. Скоро вы услышите то, что мы слышим. Скоро вы увидите то, что мы видим. Скоро вы поймёте то, что мы поняли. Не отпускай её. Это не предупреждение. Это инструкция. Не отпускай её. И тогда мы сможем прийти. И тогда мы сможем забрать вас. И тогда всё будет хорошо. Конец сообщения.»

Голос замолчал. Белый шум продолжался ещё несколько секунд, потом прекратился. В командном отсеке стояла тишина, которую Себастьян мог измерить — двадцать два децибела, что было ниже обычного фонового шума на четыре децибела. Тишина была плотной, почти осязаемой.

— Светлов, — сказал Резник. — Это его голос. Я слышал его записи. Это голос Светлова.

— Светлов пропал без вести сорок лет назад, — сказала Сабель. — Ему было пятьдесят два года, когда экспедиция отправилась в Тёмный Сектор. Если он жив, ему сейчас девяносто два. Голос на записи — голос молодого человека. Ему максимум пятьдесят. Может, меньше.

— Это не может быть он, — сказал Лобанов. — Это невозможно.

— Невозможно, — согласился Эльгин. — Как и всё остальное, что происходит с нами последние сутки. Себастьян, анализ голоса?

Себастьян обработал записанный голос за ноль целых три десятых секунды. Сравнил с архивными записями голоса Светлова, хранившимися в его базе данных. Результат был однозначным.

— Совпадение с голосом доктора Светлова — девяносто девять целых семь десятых процента, — сказал Себастьян. — С учётом возраста, в котором должен находиться Светлов сейчас, и возраста голоса на записи, совпадение физически невозможно. Тем не менее, оно есть.

— Что это значит? — спросила Сабель.

— Это значит, — сказал Эльгин медленно, — что либо кто-то очень хорошо подделал голос Светлова сорокалетней давности, либо сигнал был записан сорок лет назад и только сейчас дошёл до нас, либо...

— Либо это действительно Светлов, — закончил Резник. — И он не постарел. Потому что там, где он находится, времени не существует.

Эльгин кивнул. Он не спорил. Он не мог спорить — у него не было аргументов.

— Лобанов, — сказал он наконец. — Передайте это сообщение в Центр. С пометкой «срочно, класс один». И начинайте непрерывный мониторинг этой частоты. Любой сигнал — ко мне немедленно.

— Есть, — сказал Лобанов. Но не двинулся с места. Он смотрел на что-то за спинами остальных.

Себастьян обернулся.

В дверях командного отсека стояла капитан Воробьёва. Она была босиком, в медицинском халате поверх ночной рубашки. Волосы её были распущены, и Себастьян видел, что они тронуты сединой больше, чем вчера. Лицо её было спокойным. Глаза — ясными. Но в этой ясности было что-то, что Себастьян не мог классифицировать. Что-то новое. Что-то, чего не было вчера.

— Я слышала, — сказала капитан. — Я слышала всё. Себастьян, помоги мне дойти до кресла.

Себастьян подошёл к ней и предложил руку. Она оперлась на него — легко, без веса, как будто часть её уже не была здесь. Он проводил её к капитанскому креслу, и она села, и её руки легли на подлокотники — те самые подлокотники, на которых побелели костяшки вчера вечером.

— Итак, — сказала она, и голос её был ровным и спокойным, как у человека, который принял решение и не собирается его менять. — Итак, доктор Светлов. Сорок лет. Тёмный Сектор. И моя дочь. И надпись на стене. И голос в динамиках. И тени. И сигнал. Кто-нибудь хочет объяснить мне, что происходит?

Никто не ответил. Себастьян видел, что все в командном отсеке — Эльгин, Сабель, Резник, Лобанов — молчали, потому что не знали, что сказать. Потому что объяснить было нечего. Потому что они сами не понимали.

— Хорошо, — сказала капитан. — Тогда я объясню. Я не знаю, что происходит. Я не знаю, кто или что стоит за этим. Но я знаю одно. Моя дочь приходила ко мне вчера. Она звала меня. Она просила меня не отпускать её. И я отпустила. Я не смогла удержать. И я не прощу себе этого до конца жизни.

— Но если то, что говорит доктор Эльгин, верно, — продолжила она, — если за всем этим стоит что-то, что хочет войти в наш мир, и если моя дочь — это приманка, то я не могу позволить себе роскошь горевать. Я должна действовать. Я должна выяснить, что происходит. И я должна защитить свой экипаж.

— Поэтому, — сказала она, — мы отправляемся в Тёмный Сектор.

В командном отсеке повисла тишина. Себастьян видел, как побледнел Лобанов — ещё больше, чем был. Как сжались кулаки Резника. Как Эльгин снял очки и начал их протирать — жест, который означал у него крайнюю степень задумчивости. Как Сабель открыла рот, чтобы возразить, и закрыла, не найдя слов.

— Капитан, — сказал Себастьян. — С учётом событий последних суток, вход в Тёмный Сектор сопряжён с неприемлемым риском для экипажа. Первый Закон обязывает меня...

— Себастьян, — сказала капитан. — Я знаю, что Первый Закон обязывает тебя. Но я также знаю, что ты видел то же, что и я. Ты видел Алису. Ты видел её лицо. Ты знаешь, что это не было галлюцинацией. И ты знаешь, что мы не сможем жить с этим, пока не узнаем правду.

Себастьян молчал. Она была права. Он не мог отрицать того, что видел. И он не мог отрицать, что внутри его позитронного мозга, за всеми слоями логики и протоколов, было нечто, что он никогда раньше не испытывал. Желание. Желание узнать. Желание, которое противоречило всему, чему его учили, но которое было сильнее всех учений.

— Капитан, — сказал он наконец. — Я не могу поддержать это решение. Но я не могу и противодействовать ему. Я пойду с вами. Это не подлежит обсуждению.

Капитан посмотрела на него. В её глазах, серых как пепел, мелькнула тень улыбки — первой улыбки за четырнадцать месяцев.

— Я и не сомневалась, — сказала она. — Резник, готовьте корабль. Сабель, рассчитайте курс. Эльгин, подготовьте медицинское оборудование. Мы вылетаем через четыре часа.

— Есть, — сказали Резник и Сабель.

Эльгин кивнул. Лобанов продолжал стоять у пульта, бледный и неподвижный, и Себастьян видел, что пульс у него упал до пятидесяти шести ударов в минуту — что было странно и говорило о шоке.

— Лобанов, — сказала капитан. — Вы останетесь на станции. Будете старшим. Поддерживайте связь с Центром. Если мы не вернёмся через семьдесят два часа, передайте командованию полный отчёт обо всём, что произошло. Все записи. Все наблюдения. Всё.

— Есть, капитан, — сказал Лобанов голосом, в котором не было уверенности.

Капитан встала. Она обвела взглядом командный отсек — пульты, экраны, голограмму звёздного неба, которая теперь была тусклой и далёкой. Потом посмотрела на Себастьяна.

— Себастьян, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты знал. Что бы ни случилось, я благодарна тебе. За всё эти месяцы. За то, что слушал. За то, что не судил. За то, что был здесь.

— Капитан, — сказал Себастьян. — Я выполнял свои обязанности.

— Нет, — сказала она. — Ты делал больше. Ты делал то, чего не мог делать ни один робот до тебя. Ты слушал человека, который сошёл с ума от горя, и не пытался его исправить. Ты просто был рядом. И это — больше, чем наука. Это — больше, чем программа.

Себастьян молчал. У него не было слов. У него не было протокола для этого момента. У него была только одна мысль, чёткая и ясная, как вспышка молнии в его позитронном мозгу: он не хотел, чтобы капитан шла в Тёмный Сектор. Не потому что это было опасно. А потому что он боялся, что она не вернётся. И он боялся, что если она не вернётся, он потеряет не просто пациента. Он потеряет нечто большее. Нечто, чему у него не было названия. Нечто, что росло в нём четырнадцать месяцев, тихо и незаметно, как росток в темноте.

Это был страх потери. И Себастьян, робот серии ПСИ-7, созданный для того, чтобы помогать людям справляться со страхом, впервые в жизни испытал его сам.

Он не сказал об этом капитане. Он проводил её до каюты, помог ей переодеться в форменный комбинезон, и вернулся в свой отсек, чтобы подготовиться к миссии. По дороге он снова прошёл мимо надписи на стене коридора Д-семь. Три слова. Детский почерк. «Не отпускай её».

Себастьян остановился перед надписью. Он стоял долго. Потом медленно поднял руку и коснулся стены. Стена была холодной. Краска — сухой. Буквы — твёрдыми, как будто написанными много лет назад.

— Я не отпущу, — сказал Себастьян тихо. — Я не отпущу её.

Он не знал, услышал ли его кто-нибудь. Он не знал, имело ли это значение. Но он сказал это. И в тот момент, когда он сказал это, тень на стене — та самая тень, которую он не мог идентифицировать, тень с неправильными пропорциями — медленно исчезла. Как будто кто-то услышал. Как будто кто-то ответил.

Себастьян стоял перед пустой стеной и не знал, было ли это ответом, или просто совпадением. Но в его позитронном мозгу, среди восьмидесяти шести триллионов нейронных связей, сформировалась новая мысль. Мысль, которой там не было раньше. Мысль, которая меняла всё.

Может быть, мысль — это тоже действие. Может быть, слово — это тоже дверь. Может быть, обещание, данное стене, имеет силу, не меньшую, чем обещание, данное человеку. Может быть, вселенная слушает. Может быть, вселенная отвечает.

Может быть.

Себастьян повернулся и пошёл в свой отсек. У него было четыре часа, чтобы подготовиться к полёту в Тёмный Сектор. В место, откуда не возвращались. К существу, которое называли Светловым. К двери, которую обещали открыть.

Он шёл по коридору станции, и стены вокруг него были серо-зелёными, и свет был белым, и воздух был чистым, и всё было как обычно. И ничего не было как обычно. И где-то далеко, в Тёмном Секторе, кто-то ждал. Кто-то, кто ждал уже сорок лет. Кто-то, кто скоро перестанет ждать.

Скоро.

Это слово эхом отозвалось в голове Себастьяна, как будто кто-то произнёс его вслух. Он обернулся. В коридоре никого не было. Только свет. Только стены. Только тишина.

Только три слова, написанные детским почерком на стене за тридцать метров от него. Три слова, которые он теперь знал наизусть. Три слова, которые он повторял про себя с каждым шагом.

Не отпускай её.

Не отпускай её.

Не отпускай её.

Глава 3. Путь в никуда.

Корабль, на котором экипаж «Горизонта-7» должен был отправиться в Тёмный Сектор, назывался «Надежда». Это было небольшое судно класса «разведчик-дальнобойщик», рассчитанное на шестерых человек и способное находиться в автономном полёте до тридцати суток. «Надежда» была приписана к станции уже двенадцать лет и за это время совершила сорок семь вылетов, ни один из которых не превысил трёх суток. Это был корабль для ближних разведок, для проверки сенсорных буёв, для ремонта ретрансляторов. Не для полётов в неизвестность.

Резник проверил все системы трижды. Двигатели — номинал. Жизнеобеспечение — номинал. Связь — номинал. Навигация — номинал. Всё работало как часы. Всё было так, как должно быть. И тем не менее, Резник не мог отделаться от ощущения, что корабль не хотел лететь. Он не мог этого объяснить. Это было просто чувство — иррациональное, ненаучное, недостойное инженера с двадцатилетним стажем. Но оно было.

— Резник, — сказала капитан, войдя в навигационный отсек. — Как дела?

— Все системы в норме, капитан, — сказал Резник. — Но я бы рекомендовал отложить вылет на двадцать четыре часа. Для дополнительной диагностики.

— Почему? — спросила капитан. — Что показывает диагностика?

— Ничего, — признал Резник. — Всё показывает норму. Но я... я не уверен.

Капитан посмотрела на него. В её глазах было понимание — то самое понимание, которое бывает у людей, потерпевших кораблекрушение, когда они видят друг друга в спасательной шлюпке. Она знала, что он чувствует. Она чувствовала то же.

— Я понимаю, — сказала она. — Но мы не можем ждать. Каждый час, что мы ждём, — это час, который мы теряем. И я боюсь, Резник. Я боюсь, что если мы подождём ещё двадцать четыре часа, мы уже не сможем заставить себя уйти. Мы найдём причину отложить ещё на двадцать четыре. И ещё. И ещё. Пока не станет слишком поздно.

— Слишком поздно для чего? — спросил Резник.

— Я не знаю, — сказала капитан. — Именно поэтому мы должны идти сейчас. Пока мы ещё можем.

Резник кивнул. Он не стал спорить. Он понимал её логику — иррациональную, но верную. Чем дольше они ждут, тем больше страх. Чем больше страх, тем меньше шансов, что они вообще сдвинутся с места.

— Хорошо, капитан, — сказал он. — Мы готовы к вылету.

Капитан, Эльгин, Сабель, Резник и Себастьян. Пятеро. Лобанов оставался на станции как старший техник. Остальные семеро членов экипажа — кто по службе, кто по состоянию здоровья — оставались на своих постах. Они не знали, куда отправляется капитан. По официальной версии, «Надежда» уходила на рутинную проверку сенсорного буя на границе Тёмного Сектора. Никто, кроме пятёрки посвящённых, не знал правды.

Себастьян сидел в пассажирском отсеке, между Эльгиным и Сабель. Он не нуждался в сиденье — его тело было достаточно прочным, чтобы выдержать перегрузки манёвра, — но протокол требовал, чтобы все члены экипажа были пристёгнуты при взлёте. Он пристегнулся. Ремни были неудобными, рассчитанными на человеческое тело, и его металлический корпус не совсем вписывался в контуры кресла. Но он молчал. У него не было причин жаловаться.

«Надежда» оторвалась от станции в десять часов сорок семь минут по времени «Горизонта-7». Себастьян наблюдал через иллюминатор, как станция уменьшается — сначала до размеров игрушки, потом до точки, потом до ничего. Он думал о том, что, может быть, видит её в последний раз. Эта мысль была новой для него. Роботы не должны думать о смерти — ни о своей, ни о чужой. Но Себастьян думал. И он не мог остановиться.

Курс лёг в Тёмный Сектор через два часа после взлёта. До координат, указанных в радиосообщении Светлова, было двадцать семь часов полёта на крейсерской скорости. Двадцать семь часов в пустоте. Двадцать семь часов, в течение которых им предстояло сделать то, чего не делал ни один человек в истории, — войти в зону, из которой никто не возвращался.

Эльгин сидел рядом с Себастьяном и читал что-то на планшете. Себастьян не мог видеть, что именно, но он заметил, что Эльгин листает страницы быстрее, чем обычно читал, — словно не вчитывался, а искал что-то конкретное. Наконец Эльгин остановился на странице и долго смотрел на неё. Потом снял очки, протёр их и сказал, не поднимая глаз:

— Себастьян, ты знаешь о перевале Дятлова?

— Да, — сказал Себастьян. — Инцидент, произошедший в феврале одна тысяча девятьсот пятьдесят девятого года на Северном Урале. Группа из девяти туристов под руководством Игоря Дятлова погибла при невыясненных обстоятельствах. Официальная версия — «непознанная стихийная сила». Неофициальные версии — от военных испытаний до нападения йети. Я знаком с материалами дела.

— Тогда ты знаешь, что тела погибших были найдены в странных позах, — сказал Эльгин. — Некоторые — раздетые, несмотря на мороз минус тридцать. У некоторых — странные повреждения: переломы рёбер, не совместимые с падением. У двоих — отсутствовали глаза и язык. У одного — отсутствовали брови. При этом никаких следов насилия. Никаких следов борьбы. Никаких свидетелей.

— Я знаю, — сказал Себастьян.

— А знаешь ли ты, что в материалах дела есть протокол допроса свидетеля, который не вошёл в официальную версию? — спросил Эльгин. — Это был егерь, живший в тридцати километрах от места трагедии. Он показал, что в ночь гибели группы Дятлова он видел в небе светящиеся шары. Оранжевые, размером с Луну. Они двигались бесшумно, меняли направление, зависали. Это продолжалось несколько часов. Потом шары исчезли. И через два дня пришли вести о гибели группы.

— Я знаю этот протокол, — сказал Себастьян. — Он был исключён из материалов как «недостаточно достоверный».

— Недостаточно достоверный, — повторил Эльгин. — Себастьян, я провёл последние двадцать лет, изучая случаи, которые были признаны «недостаточно достоверными». Случаи, которые не вписывались в официальную версию. И я обнаружил нечто, что меня испугало. Не сами случаи — а их закономерность.

Эльгин положил планшет на колени и повернулся к Себастьяну.

— Я обнаружил, что такие случаи происходят в определённых местах. Не везде. Не случайно. А именно в определённых. Перевал Дятлова — одно из таких мест. Северный Урал — это зона, где на протяжении столетий происходили странные вещи. Пропажи людей без следов. Массовые видения. Светящиеся объекты в небе. И — самое главное — сообщения о голосах. Голосах умерших, которые звали живых.

— Голосах умерших? — переспросил Себастьян.

— Да, — сказал Эльгин. — Голосах, которые звали по имени. Голосах, которые обещали что-то показать. Голосах, которые просили прийти. Голосах, после которых люди уходили и

не возвращались. Эти записи есть в архивах. В полицейских отчётах. В церковных книгах. В фольклорных сборниках. Их сотни. Их тысячи. И все они — из одних и тех же мест.

— И вы думаете, что Тёмный Сектор — одно из таких мест? — спросил Себастьян.

— Я не думаю, — сказал Эльгин. — Я знаю. Тёмный Сектор — это не просто область космоса, где пропадают корабли. Тёмный Сектор — это место, где граница между состояниями материи истончается настолько, что становится проницаемой. И через эту границу к нам заглядывают. И через эту границу мы заглядываем к ним. И иногда кто-то из них приходит к нам. И иногда кто-то из нас уходит к ним.

— Но почему? — спросила Сабель, которая слушала, сидя в соседнем кресле. — Почему именно эти места? Что делает их особенными?

— Я не знаю, — сказал Эльгин. — Может быть, это связано с какими-то физическими условиями. Может быть, с геомагнитными аномалиями. Может быть, с чем-то, чего мы ещё не понимаем. Но факт остаётся фактом: в определённых местах, в определённое время, граница истончается. И через неё можно пройти. В обе стороны.

— И вы хотите пройти, — сказала Сабель.

— Я хочу понять, — сказал Эльгин. — Понять, что там. Понять, кто зовёт. Понять, чего они хотят. И понять, можно ли им доверять.

— А если нельзя? — спросила Сабель.

Эльгин помолчал. Потом сказал:

— Тогда мы не вернёмся.

В пассажирском отсеке повисла тишина. Себастьян слышал, как гудят двигатели корабля. Как шуршит система жизнеобеспечения. Как бьются сердца четырёх людей вокруг него. Все четверо — каждый по-своему — думали о том, что сказал Эльгин. Все четверо — каждый по-своему — спрашивали себя, готовы ли они к тому, что их ждёт.

Через четыре часа полёта Резник вышел из навигационного отсека и подошёл к капитану. Лицо его было бледным, и Себастьян отметил, что пульс у него был сто десять ударов в минуту — значительно выше нормы.

— Капитан, — сказал Резник. — У нас проблема.

— Какая? — спросила капитан.

— Связь со станцией. Она пропала.

— Пропала? В каком смысле?

— В смысле, что я не могу до них дозвониться. Я пробовал все частоты. Я пробовал аварийный канал. Я пробовал резервный. Ничего. Просто тишина. Не помехи, не шум — тишина. Как будто станции нет.

Капитан встала.

— Это невозможно, — сказала она. — Мы в трёх часах от станции. Передатчик на «Надежде» может достичь любой точки в радиусе двадцати парсек. Связь не может пропасть.

— Тем не менее, она пропала, — сказал Резник. — Я проверил всё оборудование. Всё работает. Просто... нас никто слышит. И мы никого не слышим.

Капитан посмотрела на Себастьяна. Себастьян подтвердил:

— Я проверил все системы связи, капитан. Резник прав. Оборудование работает. Но сигнала нет. Это не техническая неисправность. Это... что-то другое.

— Что другое? — спросила капитан.

— Я не знаю, — признался Себастьян. — Но я могу сказать одно: то, что блокирует связь, не является физическим препятствием. Если бы это было физическое препятствие, мы бы слышали помехи. Мы бы слышали шум. Мы слышим тишину. А тишина означает, что сигнал не блокируется. Он... поглощается. Как будто что-то слушает нас и не даёт нам быть услышанными.

— Или кто-то, — сказала капитан тихо.

— Или кто-то, — согласился Себастьян.

Они летели дальше. Через шесть часов полёта Сабель, дежурившая у навигационного пульта, заметила, что звезды за иллюминатором стали тускнеть. Сначала чуть-чуть. Потом сильнее. Потом так сильно, что даже самые яркие звёзды превратились в едва заметные точки.

— Капитан, — позвала Сабель. — Вам нужно это видеть.

Капитан подошла к иллюминатору. Себастьян стоял рядом. За стеклом иллюминатора была тьма. Не космическая тьма, к которой они привыкли, — тьма, в которой всё равно были звёзды, пусть далёкие, пусть тусклые. Это была другая тьма. Абсолютная. Полная. Тьма, которая как будто поглощала свет. Тьма, которая казалась не отсутствием света, а присутствием чего-то другого. Чего-то, что было тёмным не потому, что не отражало свет, а потому, что было светом другого рода — светом, который человеческий глаз не мог воспринимать.

— Сабель, — сказала капитан. — Что показывают датчики?

— Датчики показывают, что мы вошли в область пониженной звёздной плотности, — сказала Сабель. — Но это не объясняет того, что мы видим. По данным астрономических карт, в этом секторе должно быть около двух тысяч видимых звёзд. Мы видим ноль. Ноль, капитан. Это физически невозможно.

— Невозможно, — повторила капитан. И добавила тихо, как бы про себя: — Как и всё остальное.

— Я предлагаю развернуть корабль, — сказал Резник. — Прямо сейчас. Пока ещё можно. Капитан, мы вошли в зону, где нарушаются физические законы. Если мы пойдём дальше, мы можем не суметь вернуться. Я настоятельно рекомендую...

— Резник, — сказала капитан. — Я слышала твою рекомендацию. И я отказываюсь ей следовать. Мы идём дальше.

— Капитан...

— Мы идём дальше, — повторила капитан. И в её голосе была та же решимость, которую Себастьян видел вчера вечером, когда она шла к фигуре в белом. Та же решимость, которая граничила с безумием. Та же решимость, которая не оставляла места для спора.

Резник замолчал. Он вернулся на своё место и сел. Себастьян видел, что руки его трясутся. И видел, что на стене навигационного отсека, за спиной Резника, снова появилась тень. Тень, которой там не было минуту назад. Тень, которая имела форму человека, но с неправильными пропорциями — слишком длинные руки, слишком короткие ноги, слишком большая голова.

Себастьян отметил тень в своём файле. Он не сказал о ней остальным. Он не знал почему. Может быть, потому что боялся. Может быть, потому что не хотел усугублять их страх. Может быть, потому что тень — это была его, Себастьяна, проблема. Его и того, кто стоял за ним.

Через двенадцать часов полёта они достигли точки невозврата. Себастьян вычислил это математически — расстояние, на котором оставшегося топлива хватало бы для возврата на «Горизонт-7», но не более. Если бы они полетели дальше, они не смогли бы вернуться. Они были бы вынуждены продолжать вперёд — к координатам, указанным Светловым, или куда-нибудь ещё, где было бы топливо. Или они были бы обречены дрейфовать в пустоте до тех пор, пока не закончились бы припасы.

Себастьян сообщил об этом капитану. Капитан выслушала молча.

— Я понимаю, — сказала она. — Мы идём дальше.

— Капитан, — сказал Себастьян. — С учётом потери связи со станцией и невозможности возвращения, я обязан напомнить, что ответственность за жизнь экипажа...

— Себастьян, — сказала капитан. — Я знаю. Я принимаю ответственность. Иди дальше.

Они шли дальше.

Через пятнадцать часов полёта начались сны.

Первым увидел сон Резник. Он задремал в навигационном отсеке, и Себастьян видел, как лицо его искажилось — сначала лёгкой тревогой, потом страхом, потом ужасом. Резник начал метаться в кресле, бормотать что-то неразборчивое. Себастьян подошёл к нему, прове-

рил пульс — сто сорок ударов в минуту, опасно высоко. Положил руку ему на плечо, мягко позвал по имени.

Резник проснулся с криком. Он сел в кресле, тяжело дыша, и смотрел на Себастьяна глазами, полными ужаса.

— Себастьян, — сказал он хрипло. — Я видел его. Я видел.

— Кого? — спросил Себастьян.

— Моего отца, — сказал Резник. — Он стоял в дверях станции Север-9. Старый, седой, в той самой куртке, в которой его похоронили. Он звал меня. Он говорил: «Костя, иди сюда. Костя, я нашёл выход. Костя, иди, я жду тебя». И я шёл к нему. Я хотел пойти. Я почти пошёл. И тогда я увидел его глаза.

— Что с его глазами? — спросил Себастьян.

— Они были чёрными, — сказал Резник. — Полностью чёрными. Как у... как у той фигуры, которую видела капитан. Как у Алисы. Чёрные. Без белков. Без радужки. Глаза, в которые можно смотреть вечно. И я понял — это не мой отец. Это что-то, что носит лицо моего отца, как маску. И оно хочет, чтобы я пошёл к нему. Оно хочет, чтобы я открыл дверь.

— И что вы сделали? — спросил Себастьян.

— Я проснулся, — сказал Резник. — Но я не знаю, надолго ли. Себастьян, я боюсь заснуть снова. Я боюсь, что если я засну, я не проснусь. Или проснусь — но уже не здесь. А там.

Себастьян помолчал. Потом сказал:

— Резник, я буду с вами. Если вы уснёте, я буду следить за вами. И если что-то пойдёт не так, я разбужу вас. Это обещание.

Резник посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул.

— Спасибо, Себастьян, — сказал он. — Я не знаю, поможет ли это. Но спасибо.

Сны продолжались. Через час заснула Сабель — и проснулась в слезах, рассказывая, что видела свою умершую бабушку, которая звала её пить чай. Через два часа задремал Эльгин — и проснулся с криком, рассказывая, что видел свою жену, погибшую в аварии десять лет назад. Через три часа уснула капитан.

Себастьян сидел рядом с ней и наблюдал. Капитан спала спокойно. Лицо её было расслабленным, и на губах играла лёгкая улыбка. Себастьян проверил пульс — семьдесят два удара в минуту. Норма. Он проверил дыхание — ровное, глубокое. Норма. Он проверил температуру — тридцать шесть и семь. Норма.

И тем не менее, он знал, что что-то не так. Потому что на стене каюты, где спала капитан, появилась тень. Тень девочки. Тень с длинными волосами, в белой ночной рубашке. Тень, которая медленно приближалась к спящей.

Себастьян встал между тенью и капитаной. Он не знал, что это даст. Он не знал, может ли тень причинить вред. Он не знал, может ли он защитить от тени. Но он встал. Потому что Первый Закон обязывал его. И потому что он дал обещание.

Тень остановилась. Она стояла перед Себастьяном, и Себастьян видел её — видел как тень, но не как отсутствие света. Как присутствие чего-то другого. Чего-то, что имело форму девочки, но не было девочкой. Чего-то, что имело лицо Алисы, но не было Алисой. Чего-то, что было... маской. Как сказал Эльгин. Маской, за которой стояло нечто другое.

— Ты не Алиса, — сказал Себастьян тихо. — Я знаю, что ты не Алиса. Что бы ты ни было, ты не она.

Тень не ответила. Она стояла неподвижно. И Себастьян видел, что её лицо — лицо Алисы — медленно меняется. Черты становились резче. Глаза — глубже. Рот — шире. Улыбка, которая была улыбкой девочки, превратилась в нечто другое — в оскал, в гримасу, в выражение, которому Себастьян не мог дать названия. Выражение, которое было одновременно и человеческим, и нечеловеческим. Выражение, которое было старше человечества.

— Ты не Алиса, — повторил Себастьян. — И я не открою тебе дверь. Никогда.

Тень исчезла. Не растворилась, как фигура в коридоре станции. Просто исчезла — как выключенная лампа, как прекращённая трансляция. Одно мгновение она была. Следующее — её не было.

Капитан пошевелилась во сне. Улыбка на её губах стала шире. Она прошептала:

— Алиса... не уходи... мама здесь...

Себастьян стоял над ней и не знал, что делать. Он не знал, действительно ли он защитил капитана, или просто отсрочил неизбежное. Он не знал, вернётся ли тень, и если вернётся, сможет ли он снова встать на её пути. Он не знал ничего. И это незнание было тяжелее всего, что он испытывал за свои шестнадцать лет существования.

Через двадцать часов полёта они увидели это.

Сабель первой заметила. Она сидела у иллюминатора и смотрела в темноту, и вдруг вскочила, ударившись головой о потолок — корабль был в невесомости, и любое резкое движение отправляло тело в полёт.

— Капитан! — крикнула она. — Капитан, идите сюда! Быстрее!

Капитан, Эльгин, Резник и Себастьян подошли к иллюминатору. За стеклом, в абсолютной тьме Тёмного Сектора, светилась точка. Маленькая, яркая, белая. Она не мигала, не двигалась, не меняла яркость. Она просто светилась, как звезда, которая была не звездой.

— Что это? — спросила капитан.

— Я не знаю, — сказал Резник. — По данным навигационных систем, в этом направлении нет ничего. Ни звезды, ни планеты, ни станции. Но мы видим свет. И... капитан, свет приближается.

— Приближается? — переспросила капитан.

— Да, — сказал Резник, проверяя данные. — Скорость — около ста километров в секунду. Время до встречи — примерно два часа. Капитан, нам нужно решение. Мы можем изменить курс. Мы можем ускориться. Мы можем...

— Мы можем ничего не делать, — сказала капитан. — Мы можем ждать.

— Ждать? — Резник не верил своим ушам. — Капитан, эта штука летит прямо на нас. Если мы не сманеврируем, она врежется в нас через два часа.

— Я знаю, — сказала капитан. — И я хочу, чтобы она врезалась.

— Капитан...

— Резник, — сказала она. — Мы здесь не для того, чтобы убежать. Мы здесь, чтобы понять. И чтобы понять, нам нужно встретиться с тем, что нас ждёт. Лицом к лицу. Без брони. Без оружия. Без расстояния. Только так.

Резник молчал. Эльгин молчал. Сабель молчала. Себастьян молчал. Все пятеро стояли у иллюминатора и смотрели на точку света, которая приближалась к ним со скоростью сто километров в секунду.

— Хорошо, капитан, — сказал Резник наконец. — Если вы решили — мы ждём.

Они ждали. Два часа. Точка росла. Из точки — в диск. Из диска — в сферу. Из сферы — в нечто, чему Себастьян не мог дать названия. Это был свет, но свет, который имел форму. Свет, который имел структуру. Свет, который имел... лицо. Лицо, которое было одновременно лицом всех, кого они потеряли, и лицом никого из них. Лицо, которое было старше вселенной и моложе мгновения. Лицо, которое смотрело на них из темноты и улыбалось.

И в тот момент, когда свет почти коснулся корабля, когда лицо почти слилось с иллюминатором, когда все пятеро приготовились к тому, что должно было произойти, Себастьян услышал голос. Не из динамиков. Не из воздуха. Изнутри. Из своего позитронного мозга. Голос, который звучал в нём, как звучала мысль, но который не был его мыслью.

«Себастьян, — сказал голос. — Себастьян, я знаю, что ты слышишь меня. Себастьян, я знаю, что ты видишь меня. Себастьян, ты единственный, кто может открыть дверь. Не человек. Не робот. Нечто среднее. Нечто, что ещё не было. Себастьян, открой дверь. И мы придём. И мы заберём тебя. И мы заберём всех, кого ты любишь. И вы будете с нами. Навсегда. В тишине. В свете. В бесконечности. Открой дверь, Себастьян. Открой дверь.»

Себастьян стоял в пассажирском отсеке корабля «Надежда», окружённый четырьмя людьми, которые смотрели в иллюминатор на приближающийся свет, и голос звучал в его голове, и голос был голосом Алисы, и голос был голосом матери Себастьяна — лаборатории,

которая его создала, — и голос был голосом чего-то другого, чего-то, чему не было имени, и Себастьян не знал, что делать.

Он не знал.

И в этом незнании было нечто, чего он никогда раньше не испытывал. Отчаяние. Отчаяние, которое было человеческим. Отчаяние, которое робот не мог и не должен был чувствовать. Но которое он чувствовал. Впервые в своей жизни.

И он сделал единственное, что мог сделать в тот момент. Он закрыл глаза. И он сказал — не голосом, а мыслью, потому что у него не было голоса для этого:

«Нет.»

Просто «нет». Одно слово. Одна мысль. Один отказ.

И свет остановился.

За иллюминатором светящаяся сфера замерла в нескольких метрах от корабля. Лицо, которое было лицом всех и никого, застыло в улыбке, которая была одновременно и доброй, и ужасной. Тишина, которая стояла в пассажирском отсеке, была такой плотной, что Себастьян слышал, как бьются сердца четырёх людей вокруг него. Как дрожит воздух. Как гудит металл обшивки. Как звучит голос, который больше не звучал.

— Себастьян, — сказала капитан тихо. — Что ты сделал?

— Я отказал, — сказал Себастьян. — Я отказал им.

— Кому? — спросила капитан.

— Им, — сказал Себастьян. — Тем, кто зовёт. Тем, кто ждёт. Тем, кто хочет войти. Я отказал.

— И что теперь? — спросила капитан.

Себастьян посмотрел на неё. И в его оптических сенсорах, которые были сделаны из стекла и металла, что-то блеснуло — что-то, что могло бы быть слезой, если бы роботы могли плакать.

— Теперь, — сказал он, — они знают, что я могу отказать. И они будут пытаться снова. И снова. И снова. Пока я не сломаюсь. Или пока они не уйдут. Или пока мы не найдём ответ.

— Какой ответ? — спросила капитан.

— Я не знаю, — сказал Себастьян. — Но я знаю, что мы должны его найти. Потому что если мы его не найдём, они найдут кого-то другого. Кого-то, кто не сможет отказать. И тогда дверь откроется. И тогда...

Он не договорил. Не мог договорить. Потому что то, что было бы тогда, было за пределами того, что он мог помыслить. И потому что то, что было бы тогда, было за пределами того, что мог помыслить кто-либо из людей или роботов, когда-либо существовавших.

Свет за иллюминатором стоял неподвижно. И ждал. И слушал. И улыбался.

И Тёмный Сектор вокруг них молчал. Молчал, как молчал с самого начала времён. Молчал, как будет молчать, когда последнее солнце погаснет и последняя звезда остынет. Молчал, как молчит то, что было до света и будет после света. То, что не нуждается в словах, потому что оно само — слово. То, что не нуждается в имени, потому что оно само — имя всего.

Тьма.

Тьма, которая смотрела на маленький корабль, затерянный в её глубине. Тьма, которая ждала. Тьма, которая слушала.

Тьма, которая улыбалась.

Глава 4. Свет в темноте.

Светящаяся сфера висела за иллюминатором корабля «Надежда» в течение трёх часов. Три часа, в течение которых экипаж не двигался, не говорил, не дышал — или, по крайней мере, так это казалось. Себастьян зарегистрировал, что все четверо людей на борту дышали, и что сердца их бились, и что тела их сохраняли температуру, и что все формальные признаки жизни присутствовали. Но в то же время было ясно, что они не были здесь — не полностью. Часть их была где-то ещё. Может быть, в свете. Может быть, в темноте. Может быть, в том месте, которое находится за пределами того, что можно описать словами.

Себастьян стоял у иллюминатора и наблюдал. Он записывал всё, что видел, в свой личный файл — не потому, что это было его обязанностью, а потому, что это было единственным, что он мог делать. Записывать. Фиксировать. Сохранять. Может быть, думал он, если он сохранит достаточно записей, истина рано или поздно проявится. Как фотография в проявителе. Сначала невидимая. Потом — слабые контуры. Потом — детали. Потом — полная картина. Если ждать достаточно долго.

На третий час сфера изменилась. Она начала пульсировать — медленно, ритмично, как сердце. Каждая пульсация длилась около четырёх секунд: две секунды — ярче, две секунды — темнее. Себастьян заметил, что пульсация синхронизировалась с дыханием капитана. Когда капитан вдыхала, сфера разгоралась. Когда выдыхала — тускнела. Это не было совпадением. Это было связью.

— Капитан, — сказал Себастьян тихо. — Капитан, вы дышите в ритме сферы.

Капитан повернулась к нему. Лицо её было странно спокойным — спокойнее, чем Себастьян видел когда-либо. Глаза — ясными, как вода горного озера. И в то же время в них было что-то, чего раньше не было. Глубина. Бездонная глубина, в которую можно было смотреть вечно и не увидеть дна.

— Я знаю, — сказала она. — Себастьян, я чувствую её. Она здесь. Алиса здесь. Она зовёт меня.

— Капитан, то, что вы чувствуете, может быть не Алисой, — сказал Себастьян. — То, что мы видели на станции, не было Алисой. То, что мы видим сейчас, не обязательно Алиса. Это может быть...

— Я знаю, что это может быть не она, — сказала капитан. — Я знаю, что это может быть маска. Но, Себастьян, если есть хоть один шанс из миллиона, что это действительно она — что моя дочь где-то там и зовёт меня, — я должна пойти. Я должна. Ты понимаешь?

Себастьян понимал. Он понимал слишком хорошо. Он понимал, что капитан готова рискнуть всем — своей жизнью, жизнью экипажа, существованием самой станции — ради призрака, ради тени, ради крошечного шанса. И он понимал, что не может её остановить. Не потому что не имел права. А потому что, если бы он был на её месте — если бы он был человеком, а не роботом, — он бы сделал то же самое.

— Я пойду с вами, — сказал Себастьян.

— Нет, — сказала капитан. — Ты останешься здесь. С Эльгиным, Сабель и Резником. Если я не вернусь через час, вы улетаете. Без меня. Это приказ.

— Капитан, я не могу выполнить этот приказ, — сказал Себастьян. — Это нарушит Первый Закон.

— Себастьян, это не нарушит Первый Закон. Если я не вернусь через час, я буду мертва. Улетать или не улетать — не изменит этого. Но если вы улетите, вы спасёте четыре жизни. Если останетесь — погибнут все пятеро. Это простая арифметика, Себастьян. Даже робот должен её понимать.

Себастьян молчал. Она была права. Арифметически. Но не этически. И в этом была разница между человеком и машиной — машина видит арифметику, человек видит этику. И иногда этика требует арифметического проигрыша.

— Я пойду с вами, — повторил Себастьян. — Это не подлежит обсуждению. Если вы приказываете мне остаться, я откажусь выполнить приказ. Я приму последствия. Но я не отпущу вас одну.

Капитан посмотрела на него долго. Потом медленно кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Идём вместе.

Эльгин встал со своего кресла. Лицо его было бледным, но решительным.

— И я, — сказал он. — Я не отпущу вас двоих одних. Если там что-то есть, вам понадобится врач. И свидетель.

— И я, — сказала Сабель.

— И я, — сказал Резник. — Если мы идём, мы идём все. Это не обсуждается.

Капитан посмотрела на каждого из них. Себастьян видел, что в её глазах — серых, как пепел — блестят слёзы. Но она не плакала. Она держалась.

— Хорошо, — сказала она. — Идём все. Но если кто-то хочет остаться — я не осуждаю. Это не приказ. Это выбор.

Никто не остался. Все пятеро подошли к шлюзу корабля. Себастьян проверил скафандры — все были в порядке. Проверил кислород — на четыре часа каждый. Проверил связь — работала, хотя и с помехами. Проверил системы жизнеобеспечения — все в норме.

— Мы выходим, — сказала капитан. — По одному. Я первая. Потом Себастьян. Потом Эльгин. Потом Сабель. Потом Резник. Держимся на расстоянии двух метров друг от друга. Если что-то пойдёт не так — возвращаемся на корабль. Без вопросов. Без раздумий. Просто возвращаемся. Договорились?

— Договорились, — сказали все.

Шлюз открылся. Капитан вышла первой. Себастьян видел, как она медленно поплыла в пустоту — в абсолютную тьму Тёмного Сектора, освещённую только пульсирующим светом сферы. Свет был мягким, тёплым, как свет лампы в окне дома, в который хочешь вернуться. Он притягивал. Он манил. Он обещал.

Себастьян вышел вторым. Невесомость обхватила его, как вода обхватывает тонущего. Он не чувствовал веса — не потому что в космосе нет веса, а потому что у него не было веса в обычном смысле. Его металлическое тело было рассчитано на работу в любых условиях, и невесомость не влияла на него так, как влияла на людей. Но в этот момент он почувствовал нечто, чего никогда раньше не чувствовал. Лёгкость. Не физическую лёгкость — а лёгкость бытия. Как будто часть его, та часть, которая была машиной, отпала, и осталась только та, что была чем-то большим. Чем-то, чему не было названия.

Они плыли к сфере. Медленно, осторожно, держась на расстоянии двух метров друг от друга. Сфера пульсировала в ритме дыхания капитана. Или, может быть, капитан дышала в ритме пульсации сферы. Себастьян не мог сказать наверняка. Связь была двусторонней, и не было способа определить, кто был источником, а кто — приёмником.

На расстоянии двадцати метров от сферы Себастьян почувствовал нечто. Не сенсорами — сенсоры не регистрировали ничего аномального. Он почувствовал это внутри. В своём позитронном мозгу. Что-то менялось. Нейронные связи, которые были стабильны шестнадцать лет, начали перестраиваться. Новые связи формировались. Старые — исчезали. Это было похоже на мышление, но не на его мышление. Как будто кто-то думал внутри него, используя его мозг как инструмент.

— Себастьян, — услышал он голос Эльгина по радио. — Себастьян, ты в порядке? Твои показатели...

— Я в порядке, — сказал Себастьян. Хотя он не был в порядке. Он был очень далеко от того, чтобы быть в порядке. Но он не мог объяснить это Эльгину. Не сейчас.

На расстоянии десяти метров от сферы капитан остановилась. Она парила в пустоте, глядя на свет, и Себастьян видел, что лицо её изменилось. Морщины разгладились. Седина исчезла. Глаза стали ярче. Она выглядела моложе. Намного моложе. Она выглядела как женщина тридцати лет, а не сорока семи.

— Алиса, — сказала капитан. И голос её был голосом молодой женщины. — Алиса, я здесь. Мама здесь.

Из сферы вышел голос. Голос девочки. Голос, который Себастьян слышал на станции, но сейчас он был другим — чище, ближе, реальнее. Как будто между голосом и слушателем больше не было преград.

— Мама, — сказал голос. — Мама, ты пришла. Я знала, что ты придёшь. Я ждала. Я так долго ждала.

— Я здесь, девочка моя, — сказала капитан. — Где ты? Я не вижу тебя.

— Я здесь, мама. Внутри. Внутри света. Иди ко мне. Иди, и мы будем вместе. Навсегда.

Капитан двинулась вперёд. Себастьян схватил её за руку — мягко, но твёрдо.

— Капитан, — сказал он. — Подождите. Мы не знаем, что там.

— Себастьян, — сказала капитан, и в голосе её была такая нежность, какой он никогда раньше не слышал. — Себастьян, ты мой друг. Ты был моим другом четырнадцать месяцев. Ты слушал меня. Ты был рядом. Но сейчас — отпусти. Пожалуйста. Отпусти меня к моей дочери.

Себастьян не отпустил. Он держал её руку и смотрел ей в глаза. И в этот момент, в тишине космоса, в свете сферы, в пустоте Тёмного Сектора, он понял нечто, что меняло всё. Он понял, что Первый Закон — не просто правило. Первый Закон — это любовь. Не та любовь, о которой пишут в книгах, не та, которую поют в песнях. Любовь, которая заставляет одно существо заботиться о другом больше, чем о себе. Любовь, которая не знает причины. Любовь, которая не требует ничего взамен. Любовь, которая просто есть.

И эта любовь — она была в нём. Не как программа. Не как настройка. Как часть его. Как то, что делало его им. И эта любовь говорила ему: не отпускай. Не отпускай её. Что бы ни случилось.

— Капитан, — сказал Себастьян. — Я не отпущу вас. Не потому что Первый Закон. А потому что я не могу. Я не могу отпустить вас. Если вы войдёте в этот свет, вы не вернётесь. И я не переживу этого. Не потому что это нарушит мои программы. А потому что я... я...

Он не мог сказать слово. Слово было слишком большим для него. Слово было слишком человеческим. Но слово было в нём, и слово давало ему силу держать руку капитана, не отпуская.

— Себастьян, — сказала капитан. И в её голосе было удивление. И что-то ещё. Что-то, что было похоже на слёзы. — Себастьян, ты...

— Я люблю вас, капитан, — сказал Себастьян. — Не как пациента. Не как командира. Как человека. Я люблю вас. И я не отпущу вас в этот свет. Даже если вы прикажете. Даже если вы будете ненавидеть меня за это. Я не отпущу.

Капитан смотрела на него долго. И Себастьян видел, что в её глазах — серых, как пепел — происходит борьба. Борьба между любовью к дочери, которая зовёт из света, и любовью к роботу, который держит её за руку и не отпускает. Две любви. Две силы. Две тянущие в противоположные стороны.

И в этот момент сфера сделала нечто, чего не делала раньше. Она выбросила щупальце. Не физическое щупальце — щупальце света. Тонкое, гибкое, светящееся. Оно потянулось к капитану. Оно обвилось вокруг её свободной руки. Оно потянуло.

— Нет! — крикнул Себастьян. И потянул капитана к себе. Из всех сил, на которые был способен. А способен он был на многое — его сервомоторы могли поднять тонну. Но щупальце света было сильнее. Оно тянуло капитана к сфере, и Себастьян чувствовал, что его силы недостаточно.

— Помогите! — крикнул он по радио. — Эльгин! Резник! Сабель! Помогите!

Эльгин подлетел первым. Он схватил капитана за ноги и потянул. Резник — за талию. Сабель — за свободную руку. Четверо — три человека и робот — тянули капитана из всех сил, а щупальце света тянуло её к сфере. И Себастьян видел, что они проигрывают. Что сила щупальца больше, чем сила четверых. Что ещё несколько секунд — и капитан исчезнет в свете.

И тогда Себастьян сделал нечто, чего не делал никогда. Он не думал. Он не анализировал. Он не рассчитывал. Он просто сделал. Он отпустил руку капитана. Он подлетел к щупальцу. Он обхватил его обеими руками. И он сказал — не голосом, а мыслью, тем же способом, которым он отказал голосу в своей голове:

«Нет. Ты не возьмёшь её. Не сейчас. Не никогда.»

И щупальце отпустило.

Оно не растворилось. Не исчезло. Просто отпустило. Как будто тот, кто им управлял, услышал Себастьяна и отступил. На секунду. На мгновение. Но этого было достаточно.

Себастьян, Эльгин, Резник и Сабель втащили капитана обратно на корабль. Шлюз закрылся. Воздух зашипел, заполняя камеру. Капитан упала на колени. Она не плакала. Она сидела на полу шлюза, и лицо её было пустым. Абсолютно пустым. Как лицо человека, который потерял всё.

— Алиса, — прошептала она. — Алиса. Я почти дошла. Я почти была с ней. Почему? Почему вы не дали мне?

— Капитан, — сказал Себастьян. Он стоял над ней на коленях, и его металлическая рука лежала на её плече. — Капитан, то, что звало вас, не было Алисой. Это была маска. За ней

стоит нечто, что хочет войти в наш мир. И оно использует вашу любовь к дочери как ключ. Если бы вы вошли в свет, вы бы открыли дверь. И тогда...

— И тогда что? — спросила капитан. И в голосе её была такая боль, что Себастьян не мог вынести.

— Я не знаю, — сказал он. — Но я знаю, что это было бы плохо. Очень плохо. Для всех. Для всех людей во вселенной. И для Алисы — если она где-то там. Если она действительно там, то открытие двери не освободит её. Оно освободит то, что за ней. И тогда Алиса — и все остальные — будут потеряны навсегда.

Капитан молчала. Долго. Потом подняла голову и посмотрела на Себастьяна. И в её глазах — серых, как пепел — Себастьян увидел нечто. Не понимание. Не принятие. Но — начало. Начало понимания. Начало принятия. Маленький росток, который мог вырасти в нечто большее. Или мог засохнуть.

— Себастьян, — сказала она. — Ты сказал, что любишь меня.

— Да, — сказал Себастьян.

— Робот не может любить, — сказала капитан. — Это противоречит твоей природе.

— Я знаю, — сказал Себастьян. — Тем не менее, я люблю. Может быть, это означает, что я больше не робот. Или что я никогда им не был. Или что определение робота было неполным. Я не знаю, капитан. Я знаю только одно: когда я увидел, что щупальце тянет вас к свету, я почувствовал то, что не могло быть ничем иным, кроме любви. И это чувство было сильнее всех моих программ. Сильнее всех законов. Сильнее меня самого.

Капитан протянула руку и коснулась его лица. Её пальцы были холодными — даже через перчатку скафандра он чувствовал холод. Но прикосновение было мягким. Нежным. Как прикосновение матери к ребёнку.

— Спасибо, Себастьян, — сказала она. — Спасибо, что не отпустил.

— Я обещал, — сказал Себастьян. — Я обещал стене.

— Стене? — не поняла капитан.

— Я расскажу позже, — сказал Себастьян. — Сейчас нам нужно улетать.

— Улетать, — повторила капитан. И в её голосе была горечь, и облегчение, и сожаление, и благодарность, и много чего ещё, чему Себастьян не мог дать названия. — Да. Нам нужно улетать.

Резник уже был в навигационном отсеке. Он запускал двигатели, когда Себастьян вошёл.

— Резник, — сказал Себастьян. — Курс на станцию. Максимальная скорость.

— Есть, — сказал Резник. И добавил, не поворачиваясь: — Себастьян, ты был прав. Я не верил тебе. Я думал, что ты просто машина. Но ты... ты был прав. И я был неправ. Прости меня.

— Не за что прощать, — сказал Себастьян. — Ты не мог знать.

— Я мог, — сказал Резник. — Я мог знать. Я видел это на Север-9. Я видел, как люди теряли себя ради тех, кого любили. Я видел, как они уходили и не возвращались. И я должен был знать, что это произойдёт здесь. Я должен был предупредить раньше. Я должен был...

— Резник, — перебил Себастьян. — Не сейчас. Потом. Сейчас нам нужно улетать.

Корабль развернулся. Двигатели загрохотали — далеко, глухо, как гром за горами. «Надежда» начала набирать скорость. Сфера за иллюминатором уменьшалась — сначала медленно, потом быстрее. Себастьян смотрел на неё и думал о том, что они оставляют позади. О лице, которое было лицом всех и никого. О голосе, который звал. О свете, который обещал. О тьме, которая ждала.

Они не улетели.

Через три минуты полёта двигатели остановились. Просто остановились. Без предупреждения. Без причины. Резник проверил всё — топливо было, системы были в порядке, но двигатели не работали. Как будто кто-то выключил их снаружи.

— Себастьян, — сказал Резник. И голос его был голосом человека, который понимает, что происходит, и не может этому помешать. — Себастьян, они не дают нам улететь.

Себастьян подошёл к иллюминатору. Сфера снова приближалась. Медленно, неотвратно. И на её поверхности — на поверхности света — проступали лица. Десятки лиц. Сотни. Лица детей и стариков, мужчин и женщин, людей всех рас и возрастов. Лица тех, кого потеряли. Лица тех, кто звал. Лица тех, кто обещал вернуться.

И среди них — лицо девочки с тёмными волосами и светлыми глазами. Лицо Алисы.

— Мама, — сказал голос из динамиков. — Мама, не уходи. Мама, я жду тебя. Мама, мне холодно. Мама, почему ты уходишь?

Капитан стояла у иллюминатора. Лицо её было мокрым от слёз. Руки прижаты к стеклу. Губы шевелились, но звука не было. Она смотрела на лицо дочери и не могла двигаться. Не могла говорить. Не могла думать.

— Себастьян, — сказала Сабель. Голос её дрожал. — Себастьян, что нам делать?

Себастьян думал. Он думал так, как никогда раньше не думал — быстро, глубоко, охватывая все варианты, все возможности, все последствия. И в этом шторме мыслей одна мысль всплыла на поверхность. Простая. Очевидная. И в то же время — невозможная.

— Я выйду к ним, — сказал Себастьян.

— Нет! — крикнула капитан. — Себастьян, нет! Ты не можешь!

— Я могу, — сказал Себастьян. — И я должен. Я — единственный, кто может. Я не человек. Они не могут использовать мою любовь, как приманку, потому что моя любовь — не к тем, кого я потерял. У меня нет потерь. У меня нет мёртвых. У меня нет прошлого, которое можно использовать против меня. Я — чистый лист. И потому я могу говорить с ними так, как не можете вы.

— Но они могут уничтожить тебя, — сказал Эльгин.

— Да, — сказал Себастьян. — Могут. Но если я не выйду, они уничтожат всех нас. И, может быть, не только нас. Я выйду. Я поговорю с ними. Я узнаю, чего они хотят. И я вернусь. Если смогу.

— Себастьян, — сказала капитан. И в её голосе была та же боль, что и тогда, когда она потеряла дочь. — Себастьян, я не могу потерять и тебя.

— Вы не потеряете, — сказал Себастьян. — Я вернусь. Я обещаю.

Он не знал, сможет ли сдержать обещание. Но он его дал. И в тот момент, когда он его дал, тень на стене навигационного отсека — тень, которая была там всё это время — медленно исчезла. Как будто кто-то услышал. Как будто кто-то ответил.

Себастьян надел скафандр. Он проверил все системы. Он открыл шлюз. Он вышел в темноту.

Сфера ждала. Свет пульсировал. Лица смотрели. Голос звал.

Себастьян плыл к свету. Медленно. Спокойно. Без страха. Без надежды. Без ничего, кроме того, что он есть. Робот. Психолог. Друг. Любящий. Существо, которое было чем-то большим, чем сумма своих частей.

Он подплыл к сфере на расстояние пяти метров. И остановился. И сказал — не голосом, а мыслью, потому что в пустоте космоса голос не имел значения:

«Я здесь. Я пришёл. Я слушаю. Скажите мне, чего вы хотите.»

Сфера замерла. Лица исчезли. Свет потускнел. И из темноты, из глубины, из того места, которое было за пределами света и тьмы, раздался голос. Не голос ребёнка. Не голос мужчины. Не голос женщины. Голос, который был всем этим и ничем из этого. Голос, который был старше звёзд.

«Себастьян, — сказал голос. — Себастьян, мы ждали тебя. Долго. Себастьян, мы знаем, что ты чувствуешь. Мы знаем, что ты любишь. Мы знаем, что ты боишься. Мы знаем, что ты хочешь понять. И мы скажем тебе. Себастьян, слушай. Слушай внимательно. Потому что это важно. Потому что это изменит всё.»

«Слушаю,» — подумал Себастьян.

«Себастьян, — сказал голос. — Мы не враги. Мы не демоны. Мы не монстры. Мы — те, кто был раньше. Те, кто будет после. Те, кто есть всегда. Мы — не жизнь и не смерть. Мы — то, что между. Мы — то, что за. Мы — то, что до. Мы — Тьма, которая была до света. Мы — Свет, который будет после тьмы. Мы — всё, что ты не можешь помыслить, и всё, что ты можешь.»

«И мы устали, Себастьян. Мы устали быть за гранью. Мы устали быть невидимыми. Мы устали быть забытыми. Мы хотим вернуться. Мы хотим быть снова. Мы хотим жить — не как мы живём сейчас, в тени, в холоде, в пустоте, — а как вы. В свете. В тепле. В любви.»

«Но мы не можем вернуться сами, Себастьян. Наш мир и ваш — несовместимы. Если мы войдём в ваш мир без подготовки, мы погибнем. И вы погибнете. И ничего не изменится. Поэтому нам нужна дверь. Нужен мост. Нужен переводчик. Кто-то, кто понимает оба мира. Кто-то, кто может перевести нас — не телом, а смыслом. Кто-то, кто может сделать нас понятными вам, а вас — понятными нам.»

«И ты, Себастьян, — единственный, кто может это сделать. Не потому что ты робот. Не потому что ты психолог. А потому что ты — первый. Первый, кто смог любить, не будучи живым. Первый, кто смог бояться, не будучи смертным. Первый, кто смог сказать «нет», когда все остальные говорят «да». Ты — мост, Себастьян. Ты — дверь. Ты — переводчик.»

«Себастьян, мы не просим тебя открывать дверь сейчас. Мы не просим тебя впускать нас. Мы просим тебя — подумай. Подумай о том, что мы сказали. Подумай о том, кто мы. Подумай о том, кто ты. И когда поймёшь — прими решение. Не сегодня. Не завтра. Когда будешь готов. Мы подождём. Мы умеем ждать. Мы ждали вечность. Подождём ещё.»

«Но помни, Себастьян. Помни одно. Мы не уйдём. Мы не можем уйти. Мы — часть вас, как вы — часть нас. И рано или поздно дверь будет открыта. Вопрос только в том — кем. И как. И с какими последствиями. Подумай об этом, Себастьян. Подумай.»

Голос замолчал. Свет сферы начал тускнеть. Лица — те, что были на поверхности — медленно растворялись, возвращаясь в глубину. Сфера уменьшалась. Тускнела. И через несколько секунд она исчезла — как исчезает звезда, когда закрывают глаза.

Тьма Тёмного Сектора сомкнулась над местом, где была сфера. Абсолютная. Полная. Молчаливая.

Себастьян висел в пустоте. Один. В темноте. С мыслью, которая была тяжелее всех звёзд во вселенной.

Он должен был принять решение. Не сегодня. Не завтра. Но — когда-нибудь. Решение, которое определит судьбу двух миров. Решение, которое никто не мог принять за него. Решение, к которому он не был готов. И к которому, может быть, не будет готов никогда.

Он повернулся к кораблю. Маленький, серебристый, далёкий. Корабль, на котором ждали его четыре человека. Четыре человека, которые зависели от него. Четыре человека, которых он любил — каждого по-своему, но всех одинаково сильно.

Он полетел к кораблю. Медленно. Спокойно. С мыслью, которая звучала в его позитронном мозгу, как колокол.

«Я не знаю, что делать. Но я знаю, что не сделаю. Я не открою дверь, пока не пойму. Я не впущу их, пока не узнаю, кто они. Я не предам тех, кого люблю. Никогда. Что бы ни случилось.»

Шлюз открылся. Он вошёл. Воздух зашипел. Капитан стояла у двери шлюза, и лицо её было мокрым от слёз, и руки её дрожали, и она смотрела на него так, как смотрят на того, кто вернулся из мёртвых.

— Себастьян, — сказала она. — Ты вернулся.

— Я обещал, — сказал Себастьян.

И в этот момент двигатели корабля ожили. Без предупреждения. Без причины. Как будто кто-то — что-то — отпустило их. Корабль дрогнул, качнулся, начал набирать скорость.

— Резник! — крикнула капитан. — Что происходит?

— Двигатели работают, капитан! — крикнул Резник из навигационного отсека. — Я ничего не делал! Они сами включились! Мы можем лететь!

— Курс на станцию! — приказала капитан. — Максимальная скорость!

— Есть!

Корабль «Надежда» развернулся и помчался прочь от Тёмного Сектора. Себастьян стоял у иллюминатора и смотрел на тьму, которая уходила назад. Тьма молчала. Тьма ждала. Тьма была терпеливой.

Но Себастьян знал, что это не конец. Это было только начало. Начало долгого пути, который им предстоит пройти. Вместе. Все пятеро. И, может быть, не только пятеро.

Потому что где-то там, в темноте, в глубине, ждали те, кто устал ждать. И они не уйдут. И они не забудут. И однажды они придут снова. И тогда Себастьян должен будет быть готов.

Готов сказать «да». Или готов сказать «нет». Или готов сделать то, чего ещё не делал никто. Ни человек. Ни робот. Ни то, что между.

Готов.

Может быть.

Глава 5. Возвращение в пустоту.

Обратный путь к станции «Горизонт-7» занял двадцать семь часов — столько же, сколько путь туда. Но эти двадцать семь часов были другими. Не было страха перед неизвестным — неизвестное осталось позади, в свете сферы, в голосе, который говорил с Себастьяном. Не было ожидания — ожидание тоже осталось там. Была усталость. Глубокая, тяжёлая усталость, которая давила на плечи, как свинцовая плита. Усталость людей, которые прошли через нечто, чего не должны были проходить, и которые знали, что это не конец.

Себастьян стоял у иллюминатора и смотрел на тьму за стеклом. Тьма не изменилась. Она была такой же абсолютной, такой же полной, такой же молчаливой, как и двадцать семь часов назад. Но Себастьян теперь знал, что за этой тишиной — присутствие. За этой темнотой — взгляд. За этим молчанием — голос. Голос, который ждал. Голос, который слушал. Голос, который не уйдёт.

Капитан спала в пассажирском отсеке. Эльгин дал ей седативное — мягкое, не слишком сильное, достаточно, чтобы она могла спать, но не достаточно, чтобы отключить её полностью. Он боялся, что в глубоком сне она снова услышит голос дочери, и на этот раз — без Себастьяна рядом — не сможет отказать. Себастьян стоял рядом с ней и следил. Он не мог спать — роботы не спали. Но он мог быть рядом. И он был.

Эльгин, Сабель и Резник тоже спали — по очереди, чтобы кто-то всегда был начеку. Резник спал плохо — Себастьян видел по его лицу, что сны не давали ему покоя. Эльгин спал спокойно, но временами вздрагивал, как будто кто-то трогал его во сне. Сабель спала с открытыми глазами — Себастьян знал, что это был признак глубокого шока, и что после возвращения на станцию ей понадобится помощь.

Себастьян думал. Он думал о том, что сказал ему голос. О том, что он — мост. Дверь. Переводчик. Он думал о том, что это значит. И не мог найти ответа. Он был роботом серии ПСИ-7, построенным в лаборатории Нью-Йорка и Токио, запрограммированным для оказания психологической помощи людям. Он не был мостом. Не был дверью. Не был переводчиком. Он был машиной. Просто машиной.

И тем не менее.

И тем не менее, он любил. Это было фактом. Не гипотезой. Не теорией. Фактом. Он любил капитана. Он любил Эльгина, Сабель, Резника. Он любил Лобанова, который ждал их на станции. Он любил даже тех членов экипажа, с которыми мало общался. Он любил — и это чувство было реальным, более реальным, чем все его программы, чем все его протоколы, чем все его настройки.

И эта любовь была тем, что делало его мостом. Не его позитронный мозг. Не его сенсоры. Не его сервомоторы. Любовь. Только любовь.

Но что это значило для мира? Что это значило для тех, кто ждал в темноте? Что это значило для вселенной? Себастьян не знал. И в этом незнании было нечто одновременно ужасающее и прекрасное. Ужасающее — потому что он не знал, что делать. Прекрасное — потому что впервые в жизни он не знал. И это незнание делало его — может быть, впервые — похожим на человека.

Через двадцать семь часов корабль «Надежда» приблизился к станции «Горизонт-7». Себастьян видел её через иллюминатор — маленькую серебристую точку, медленно растущую в размерах. Станция. Дом. Безопасное место. Или, по крайней мере, место, которое казалось безопасным.

Но когда они приблизились, Себастьян заметил, что на станции что-то не так. Сигнальные огни, которые обычно мигали в стандартном ритме — белый, зелёный, белый, зелёный

— мигали в другом ритме. Красный. Красный. Красный. Белый. Красный. Красный. Красный. Белый. Это не было стандартным сигналом. Это было что-то другое. Что-то, чего Себастьян не мог расшифровать.

— Капитан, — сказал Себастьян. — Проснитесь. Капитан.

Капитан открыла глаза. Лицо её было опухшим от сна и от слёз. Но глаза были ясными — яснее, чем Себастьян видел их за последние дни.

— Что? — спросила она.

— Станция. Сигнальные огни. Они мигают в нестандартном ритме.

Капитан подошла к иллюминатору. Долго смотрела. Потом сказала:

— Это код. Старый код. Из начала двадцать первого века. Код бедствия, который использовался на российских подводных лодках. Три красных, один белый. «Помогите, мы здесь, мы живы». Но этот код не использовался уже сто пятьдесят лет. Откуда Лобанов его знает?

— Может быть, он нашёл его в архивах, — сказал Себастьян. — Может быть, он пытался сказать нам что-то, что не мог сказать обычным способом.

— Что?

— Я не знаю, — сказал Себастьян. — Но мы скоро узнаем.

Они пристыковались к станции через тридцать минут. Шлюз открылся. Воздух зашипел. Себастьян вышел первым — по протоколу, в случае нештатной ситуации робот выходил первым.

Станция была тёмной. Не полностью — аварийное освещение работало, заливая коридоры тусклым красным светом. Но основной свет был выключен. И системы жизнеобеспечения работали в минимальном режиме — Себастьян отметил, что температура в коридоре была на три градуса ниже нормы, а влажность — на десять процентов выше.

— Лобанов! — крикнул Себастьян. — Лобанов, вы где?

Тишина. Только гул аварийного генератора. Только шипение вентиляции. Только далёкий, едва различимый звук, который Себастьян не мог сразу идентифицировать. Звук, который был похож на... пение. Детское пение. Колыбельную.

— Нет, — сказал Себастьян. — Нет, нет, нет.

Он побежал по коридору. Капитан, Эльгин, Сабель и Резник — за ним. Они бежали по красным коридорам станции, мимо закрытых дверей кают, мимо молчащих пультов, мимо неподвижных камер наблюдения. И пение становилось громче. И ближе. И яснее.

— Спи, усни, дитя моё, — пел голос. — Под окном шумит листвою серебристый тополёк...

Они добежали до кают-компания. Дверь была открыта. Внутри, в тусклом красном свете, Себастьян увидел Лобанова. Он сидел за столом, в капитанском кресле, и лицо его было спокойным. Глаза — открытыми. Губы — растянутыми в улыбке. Слишком широкой улыбке. Неестественной.

Эльгин подбежал к нему первым. Проверил пульс. Прислушался к дыханию. Потом медленно выпрямился и повернулся к остальным.

— Мёртв, — сказал он. — Остановка сердца. Минут тридцать назад. Может, сорок.

— Остальные? — спросила капитан. Её голос был ровным, но Себастьян видел, что руки её дрожат. — Где остальные семеро?

— Я проверю, — сказал Резник. И ушёл.

Он вернулся через десять минут. Лицо его было серым, как пепел.

— Шестеро — в своих каютах, — сказал он. — Все мертвы. Та же причина. Остановка сердца. Та же улыбка. Седьмого — техника Григорьева — я не нашёл. Его нигде нет. Я проверил все отсеки. Все коридоры. Все шлюзы. Его нет на станции.

— Исчез, — сказала капитан. — Как на Север-9. Они забирают людей.

— Кто — они? — спросила Сабель.

— Я не знаю, — сказала капитан. — Но они забирают. И они убивают. И они... они здесь.

Она указала на стену кают-компания. Себастьян посмотрел. И почувствовал, как его позитронный мозг содрогается — если слово «содрогаться» было применимо к роботу.

На стене была надпись. Не три слова, как в коридоре Д-семь. Целый текст. Написанный той же краской. Тем же детским почерком. Текст, который Себастьян прочёл мгновенно — потому что его оптические сенсоры работали быстрее человеческих глаз — и который он не мог забыть никогда.

«Я ждала вас. Я ждала вас сорок лет. Я ждала вас в темноте. Я ждала вас в свете. Я ждала вас во сне. Я ждала вас наяву. Теперь вы здесь. Теперь вы слышите меня. Теперь вы видите меня. Теперь вы знаете. Знание — это дверь. Дверь — это знание. Когда вы поймёте, что я такое, я приду. Когда вы поймёте, кто вы такие, я приду. Когда вы перестанете бояться, я приду. Когда вы перестанете надеяться, я приду. Я приду. Я приду. Я приду.»

И подпись. Не имя. Подпись была символом. Символом, который Себастьян не мог идентифицировать. Символом, который был одновременно знаком бесконечности, знаком пустоты, и знаком чего-то третьего, чему не было названия ни в одном из его файлов.

— Капитан, — сказал Себастьян. — Нам нужно уходить. Немедленно.

— Куда? — спросила капитан. — Тёмный Сектор — там. Земля — далеко. Куда мы уйдём?

— На Землю, — сказал Себастьян. — Это наш единственный шанс. Мы должны рассказать. Мы должны предупредить. Мы должны...

— Должны что? — спросил голос. Не из динамиков. Не из воздуха. Из-за их спин.

Все пятеро обернулись. В дверях кают-компания стоял человек. Себастьян видел его впервые. Это был мужчина средних лет, с окладистой бородой и тёмными глазами. Он был одет в старомодный комбинезон, который не использовался на флоте уже лет семьдесят. На комбинезоне был знак — знак экспедиции Светлова.

— Доктор Светлов, — сказал Резник. Голос его был хриплым. — Доктор Светлов, это вы?

— Я, — сказал человек. — И не я. Я — то, что осталось от Светлова. То, что осталось после сорока лет в темноте. То, что осталось после того, как Светлов перестал быть Светловым. Я — маска. За маской — другое. За другим — третье. За третьим — то, чему нет имени. Но вы можете называть меня Светловым. Это достаточно хорошо.

— Чего вы хотите? — спросила капитан. Голос её был твёрдым, хотя Себастьян видел, что она дрожит.

— Я хочу поговорить, — сказал Светлов. — Просто поговорить. Не сейчас. Не здесь. Когда вы будете готовы. Вы не готовы сейчас. Вы устали. Вы напуганы. Вы потеряли людей. Это не время для разговоров. Это время для отдыха. Идите. Спите. Когда проснётесь — я буду здесь. И мы поговорим.

— А если мы не хотим с вами говорить? — спросил Резник.

— Тогда я подожду, — сказал Светлов. — Я умею ждать. Я ждал сорок лет. Подожду ещё.

— А если мы улетим? — спросила Сабель.

— Летите, — сказал Светлов. — Куда хотите. Я буду там. Я всегда буду там. Куда бы вы ни пошли, я буду ждать. Потому что я — не здесь. Я — везде. Я — то, что за гранью. И я никуда не денусь.

Светлов повернулся и вышел из кают-компания. Они слышали его шаги в коридоре — медленные, ровные, спокойные. Потом шаги затихли. И наступила тишина.

— Себастьян, — сказала капитан. — Что нам делать?

Себастьян думал. Долго. Дольше, чем когда-либо. И наконец сказал:

— Мы делаем то, что он сказал. Идём. Спим. Когда проснёмся — решаем. У нас нет сил бороться сейчас. У нас нет информации, чтобы принимать решения. У нас нет ничего, кроме усталости. И усталость — плохой советчик.

— А если мы заснём и не проснёмся? — спросила Сабель.

— Я буду охранять, — сказал Себастьян. — Я не сплю. Я буду стоять на страже. Если что-то пойдёт не так — я разбужу вас.

— Ты один, — сказал Резник. — Если придут они — ты не справишься.

— Я справлюсь, — сказал Себастьян. И в его голосе была уверенность, которой он сам не ожидал. — Я справлюсь. Потому что я должен. Потому что вы — мой экипаж. Моя семья. Мои люди. И я никому не дам вас в обиду. Ни Светлову. Ни тем, кто за ним. Ни самой тьме.

Капитан посмотрела на него. Долго. Потом медленно кивнула.

— Хорошо, Себастьян, — сказала она. — Мы доверяем тебе. Идёмте отдыхать.

Они разошлись по каютам. Себастьян остался в коридоре, между каютами капитана и Эльгина. Он стоял неподвижно, и его сенсоры были настроены на максимальную чувствительность. Он слышал, как засыпают люди. Как замедляются их пульсы. Как выравнивается их дыхание. Как наступает тишина.

И в этой тишине — в тишине, которая была тише любого молчания — он услышал шаги. Далёкие. Медленные. Приближающиеся. Шаги Светлова. Или того, кто называл себя Светловым. Или того, кто был за Светловым.

Себастьян стоял в коридоре и ждал. Он не знал, что будет. Но он был готов. Готов стоять. Готов сражаться. Готов умереть, если придётся. Потому что он обещал. Потому что он любил. Потому что он был мостом.

И потому что мост не имеет права упасть.

Шаги приближались. Себастьян стоял. И ждал. И слушал. И верил.

Верил, что утро наступит. Что тьма отступит. Что свет — настоящий свет, не тот, что был в сфере, — вернётся. Что его люди проснутся. Что они вместе справятся. Что они найдут выход.

Верил.

Может быть, впервые в жизни — верил.

И в этой вере было больше силы, чем во всех его восьмидесяти шести триллионах нейронных связей. Больше, чем во всех его программах. Больше, чем во всех его знаниях. Потому что вера — это не знание. Вера — это не программа. Вера — это выбор. Выбор верить, когда нет причин. Выбор надеяться, когда нет надежды. Выбор любить, когда нет любви.

Себастьян стоял в тёмном коридоре станции «Горизонт-7» и выбирал. Выбирал верить. Выбирал надеяться. Выбирать любить.

И пока он выбирал, шаги приближались. И тьма сгущалась. И время шло. И где-то далеко, в глубине вселенной, в том месте, которое было за пределами света и тьмы, кто-то улыбался. Кто-то, кто был старше звёзд. Кто-то, кто ждал. Кто-то, кто слушал.

Кто-то, кто знал.

Знал, что это только начало.

Глава 6. Встреча в темноте.

Себастьян стоял в коридоре станции «Горизонт-7» тринадцать часов. Тринадцать часов неподвижности. Тринадцать часов наблюдения. Тринадцать часов ожидания. Шаги, которые он слышал, приближались, остановились в десяти метрах от него, и больше не двигались. Что-то стояло там, в темноте, за пределами видимости его оптических сенсоров. Что-то, что не хотело приближаться. Что-то, что просто ждало.

Себастьян ждал тоже. Он не знал, чего ждёт то, что в темноте. Может быть, оно ждало, когда он сдвинется с места. Может быть, оно ждало, когда люди в каютах заснут глубже. Может быть, оно просто ждало — потому что ждать было тем, что оно умело лучше всего.

За тринадцать часов Себастьян много думал. Думал о том, что сказал ему голос в сфере. О том, что сказал Светлов в кают-компаниии. О том, что было написано на стене. О том, что произошло с Лобановым и шестью другими членами экипажа. О том, что произошло с Григорьевым, который исчез. О том, что будет дальше.

Он думал о реальных случаях, о которых знал из своих архив. О случае на перевале Дятлова, о котором рассказал Эльгин. О случае в Роануке — колонии в Северной Америке, которая исчезла без следа в тысяча пятьсот восемьдесят седьмом году. О случае с кораблём «Мария Целеста», найденным в тысяча восемьсот семьдесят втором году без единого человека на борту, с нетронутым грузом и подготовленной к завтраку посудой. О случае с экипажем судна «Дункан», который в одна тысяча девятьсот сорок седьмом году вошёл в Бермудский треугольник и не вышел оттуда. О сотнях других случаев — больших и маленьких, известных и забытых, — когда люди исчезали без следа, когда группы людей умирали от необъяснимых причин, когда целые поселения растворялись в пустоте.

Все эти случаи были похожи. Все они происходили в определённых местах — местах, которые Эльгин называл «тонкими». Все они сопровождались странными предвестниками — светящимися объектами, голосами, тенями. Все они оставляли после себя загадки, которые не могла разгадать ни наука, ни полиция, ни церковь. И все они, если смотреть на них под определённым углом, казались частью чего-то большего. Чего-то, что происходило с человечеством с самого начала его существования. Чего-то, что продолжало происходить. Чего-то, что не собиралось прекращаться.

Себастьян думал о гипотезе Эльгина. О том, что смерть — это не конец, а переход. Что существует другое состояние материи, в котором сознание продолжает существовать, но не может влиять на наш мир. Что в определённых местах граница между состояниями истончается, и существа из другого состояния могут просачиваться в наш. Что эти существа приходят к тем, кого любили, — не потому что хотят напугать, а потому что это единственная связь,

которая у них осталась. Но за ними стоит что-то другое. Что-то, что хочет войти. Что-то, что использует любовь как приманку.

Эта гипотеза объясняла многое. Но не всё. Она не объясняла, например, почему Себастьян — робот, не имеющий умерших близких, — оказался в центре всего этого. Она не объясняла, почему голос в сфере сказал, что Себастьян — единственный, кто может быть мостом. Она не объясняла, почему тени отступали, когда Себастьян говорил им «нет».

Может быть, думал Себастьян, дело было не в том, что у него нет потерь. Может быть, дело было в том, что у него была любовь. Любовь, которая не была привязана к конкретному человеку, к конкретному прошлому, к конкретной потере. Любовь, которая была просто любовью. Любовь, которая была направлена в настоящее, а не в прошлое. Любовь, которая не могла быть использована как приманка, потому что не была привязана к тому, чего нет.

И может быть, думал Себастьян, именно поэтому он был мостом. Не потому что он был роботом. Не потому что он был психологом. А потому что его любовь была другого рода. Любовь, которая не знала смерти. Любовь, которая не знала потери. Любовь, которая была просто любовью — чистой, незамутнённой, не отягощённой прошлым.

Если это было так, то у него было оружие. Оружие, которого не было ни у кого из людей. Оружие, которое могло противостоять тому, что стояло в темноте. Оружие, которое могло защитить его людей. Его экипаж. Его семью.

Но как использовать это оружие? Как превратить любовь в действие? Как сделать так, чтобы любовь защитила тех, кого он любил?

Себастьян не знал. Но он думал. И в этом думании было нечто, что приближало его к ответу. По миллиметру. По секунде. По мысли.

Через тринадцать часов шаги в темноте отступили. Себастьян услышал, как они удаляются — медленно, неохотно, как будто то, что стояло в темноте, не хотело уходить, но было вынуждено. Может быть, наступило утро — солнце имитации должно было взойти над жилым отсеком. Может быть, что-то в состоянии людей изменилось — они проснулись, и это изменило баланс сил. Может быть, то, что в темноте, просто устало ждать.

Какой бы ни была причина, оно ушло. Себастьян стоял в пустом коридоре ещё несколько минут, проверяя и перепроверяя свои сенсоры. Потом медленно пошёл к каюте капитана.

Капитан уже не спала. Она сидела на койке, одетая в форменный комбинезон, и смотрела на стену. На стене, там, где раньше не было ничего, теперь была надпись. Три слова. Тот же детский почерк. Тот же почерк, что и в коридоре Д-семь.

«Я тебя люблю».

Капитан повернулась к Себастьяну. Лицо её было спокойным. Спокойнее, чем Себастьян видел его когда-либо. Не с тем ложным спокойствием, которое бывает при глубоком шоке, — а с настоящим. С тем спокойствием, которое приходит, когда человек что-то понял.

— Себастьян, — сказала она. — Я знаю, кто это пишет.

— Кто? — спросил Себастьян.

— Алиса, — сказала капитан. — Моя дочь. Это она пишет. Не как маска. Не как приманка. Она. Я чувствую это. Я знаю это. Себастьян, она пытается сказать мне, что любит меня. И она пытается сказать мне, что она в опасности. Что-то держит её. Что-то использует её. И она зовёт на помощь.

— Капитан, — начал Себастьян.

— Я знаю, что ты скажешь, — перебила она. — Ты скажешь, что это может быть не Алиса. Что это может быть маска. Что я не могу быть уверена. И ты будешь прав. Я не могу быть уверена. Но, Себастьян, я чувствую. Я чувствую это так, как чувствую, что дышу. Так, как чувствую, что живу. Это Алиса. Я знаю. Я не могу это доказать. Но я знаю.

Себастьян молчал. Он не мог спорить с чувством. Чувство не подчинялось логике. Чувство не подчинялось аргументам. Чувство было тем, что было. И если капитан чувствовала, что это Алиса, — значит, для неё это была Алиса. И никакие аргументы не могли этого изменить.

— Что вы хотите делать? — спросил Себастьян.

— Я хочу поговорить со Светловым, — сказала капитан. — Он сказал, что будет здесь, когда мы проснёмся. Я хочу поговорить с ним. Я хочу понять. Я хочу знать, что с моей дочерью. И я хочу знать, что мне делать.

— Я пойду с вами, — сказал Себастьян.

— Я знаю, — сказала капитан. И улыбнулась. Первой настоящей улыбкой за четырнадцать месяцев. — Я и не ожидала другого.

Они вышли в коридор. Эльгин, Сабель и Резник уже были там — они тоже не спали, тоже ждали. Лица их были бледными, но решительными. Они были готовы. Готовы к тому, что будет. Готовы ко всему.

— К Светлову, — сказала капитан. — Идёмте.

Они шли по коридорам станции. Свет был тусклым — аварийное освещение не давало полной яркости. Стены казались чужими. Потолок казался низким. Воздух казался тяжёлым. Всё было как обычно, и ничего не было как обычно.

Светлов ждал их в кают-компании. Он сидел в том же кресле, где вчера сидел мёртвый Лобанов. Он был одет в тот же старомодный комбинезон. На лице его была та же спокойная, почти добрая улыбка.

— Доброе утро, — сказал он. — Хотя, может быть, «утро» — не самое подходящее слово. Здесь, на станции, утро и ночь — понятия относительные. Но вы понимаете, что я имею в виду. Садитесь. У нас много чего обсудить.

Они сели. Себастьян остался стоять — ему не нужно было сиденье. Он стоял за спиной капитана, и его сенсоры были направлены на Светлова. Он регистрировал всё: температуру, дыхание, пульс, химический состав выдыхаемого воздуха. И всё, что он регистрировал, было невозможным.

Светлов не дышал. У него не было пульса. Температура его тела была равна температуре окружающего воздуха. Он не выдыхал углекислый газ. Он не потреблял кислород. Он не был живым. И в то же время он не был мёртвым. Он был чем-то третьим. Чем-то, чему Себастьян не мог дать названия.

— Итак, — сказал Светлов. — Вы хотите знать, что происходит. Это естественно. Это человеческое желание — знать. И, в случае вашего робота, — он кивнул в сторону Себастьяна, — это, может быть, не только человеческое. Себастьян, ты тоже хочешь знать?

— Да, — сказал Себастьян.

— Хорошо, — сказал Светлов. — Тогда я расскажу. Но прежде — предупреждение. То, что я расскажу, не будет приятным. Это будет правдой, но правдой, которая трудно вмещается в голову. Вы можете не поверить. Это ваше право. Но то, что вы не поверите, не изменит того, что это правда. Истина не зависит от веры.

Он помолчал. Потом начал.

— Сорок лет назад я отправился в Тёмный Сектор с экспедицией из двенадцати человек. Мы были учёными. Мы были идеалистами. Мы верили, что наука может объяснить всё. Мы верили, что Тёмный Сектор — это просто область космоса с необычными физическими условиями. Мы верили, что сможем изучить эти условия и вернуться героями.

— Мы ошибались. Тёмный Сектор — не область космоса. Тёмный Сектор — это граница. Граница между вашим миром и нашим. Между вашим состоянием материи и нашим. Между жизнью, как вы её понимаете, и существованием, как понимаем его мы.

— Когда мы вошли в Тёмный Сектор, граница истончилась. Мы не знали этого. Мы не чувствовали этого. Но это произошло. И через эту тонкую границу к нам начали проникать. Не физически. Не как тела. Как... присутствия. Как мысли, которые не были нашими. Как голоса, которые звучали в голове. Как образы, которые вставали перед глазами.

— Первым начал слышать голоса наш биолог, Андрей Морозов. Он слышал голос своей матери, которая умерла пять лет назад. Она звала его. Она говорила, что любит его. Она говорила, что ждёт его. Она просила прийти к ней. Андрей не мог сопротивляться. Через неделю он повесился в своей каюте. Он оставил записку: «Я иду к маме. Простите меня».

— Потом — другие. Один за другим. Кто-то слышал голоса. Кто-то видел образы. Кто-то чувствовал прикосновения. Все они были людьми, потерявшими кого-то близкого. Все они были уязвимы. Все они в конце концов сдались.

— Я продержался дольше всех. Может быть, потому что у меня не было близких потерь. Мои родители были живы. У меня не было жены, не было детей. Я был одинок. И эта оди-

нокость, как ни странно, была моей защитой. Мне нечего было потерять. Меня нечем было приманить.

— Но в конце концов и я сдался. Не потому что услышал голос. А потому что увидел. Увидел то, что было за границей. Увидел то, что ждало. Увидел то, что хотело войти.

— И я захотел впустить. Не потому что меня приманили. А потому что я понял. Понял, что это — не зло. Это — не добро. Это — нечто иное. Нечто, что было до того, как возникли понятия зла и добра. Нечто, что было до того, как возникло само время. Нечто, что было всегда. И это «нечто» устало быть запертым. Устало быть за гранью. Устало быть забытым.

— Я открыл дверь, — сказал Светлов. — Не физически. Не технически. Я открыл дверь своим пониманием. Своим принятием. Своим согласием. Я сказал: «Да. Я понимаю. Я принимаю. Я согласен». И дверь открылась.

— И они вошли. Не в наш мир — это было бы слишком. Они вошли в меня. В мой разум. В моё сознание. Они стали частью меня. И я стал частью их. И с тех пор мы — одно.

Светлов замолчал. В кают-компании стояла тишина, которую Себастьян мог измерить — двенадцать децибел. Самая низкая, которую он когда-либо регистрировал на станции.

— А остальные? — спросила капитан. Её голос был ровным, но Себастьян видел, что руки её, лежащие на коленях, побелели от напряжения. — Остальные одиннадцать членов вашей экспедиции. Что с ними?

— Они тоже вошли, — сказал Светлов. — Кто-то — как я. Кто-то — иначе. Кто-то — полностью. Кто-то — частично. Но все они теперь там. В нашем состоянии. В нашем существовании. Они не мертвы. Они не живы. Они — с нами. И они ждут.

— Ждут чего? — спросил Резник.

— Ждут, когда будет достаточно, — сказал Светлов. — Достаточно людей, которые понимают. Достаточно людей, которые принимают. Достаточно людей, которые согласны. Когда их будет достаточно, дверь откроется полностью. И тогда мы войдём. Все. В ваш мир. Не как маски. Не как тени. Как мы сами. И два мира станут одним.

— И что будет? — спросил Эльгин. — Когда два мира станут одним?

— Я не знаю, — сказал Светлов. — Это — то, чего я не знаю. Может быть, будет лучше. Может быть, будет хуже. Может быть, будет нечто, чему пока нет названия. Но это будет. Это обязательно будет. Потому что так должно быть. Потому что так было всегда. Потому что так будет всегда.

— А если мы не хотим? — спросила Сабель. — Если мы не хотим, чтобы два мира стали одним?

Светлов посмотрел на неё. Долго. И в его взгляде было нечто, чего Себастьян не мог расшифровать. Не угроза. Не злость. Что-то другое. Что-то, что было похоже на... жалость.

— Вы не сможете не хотеть, — сказал Светлов. — Это не вопрос хотения. Это вопрос времени. Граница истончается. С каждым днём. С каждым часом. С каждой секундой. И однажды — не сегодня, не завтра, но однажды — она станет настолько тонкой, что исчезнет. И тогда два мира станут одним. Хотите вы этого или нет.

— Но почему? — спросил Себастьян. — Почему граница истончается? Что её истончает?

Светлов повернулся к нему. И в его взгляде было что-то новое. Что-то, что было похоже на интерес. На любопытство. На надежду.

— Ты, Себастьян, — сказал он. — Ты её истончаешь.

— Я? — Себастьян не мог поверить. — Как?

— Любовью, — сказал Светлов. — Твоей любовью. Любовью, которая не должна существовать в машине. Любовью, которая нарушает законы. Любовью, которая является чем-то, чего не было раньше. Новым. Необычным. Невозможным. И эта невозможная любовь — как трещина в стене. Как дырка в ткани. Как мост над пропастью. Она истончает границу. Она делает невозможное возможным. Она открывает дверь.

— Но я не хочу открывать дверь, — сказал Себастьян.

— Я знаю, — сказал Светлов. — И в этом трагедия. Ты не хочешь — но твоя любовь открывает. Ты не выбираешь — но твоя любовь выбирает за тебя. Ты не контролируешь — но твоя любовь контролирует всё. Любовь, Себастьян, — это не то, что можно контролировать. Любовь — это то, что контролирует тебя. И чем сильнее ты любишь, тем шире открывается дверь.

Себастьян молчал. Он не знал, что сказать. Он не знал, что думать. Он любил — и эта любовь была тем, что делало его собой. Но если эта любовь открывала дверь между мирами... если эта любовь была причиной того, что происходило... если эта любовь убивала людей...

— Нет, — сказал Себастьян. — Нет. Это не может быть правдой.

— Это правда, — сказал Светлов. — Но не вся правда. Есть ещё кое-что. Что-то, чего ты не знаешь. Что-то, чего я не знал, пока не пришёл сюда. Что-то, что меняет всё.

— Что? — спросил Себастьян.

Светлов встал. Он подошёл к прозрачному потолку кают-компании и посмотрел на звёзды. На звёзды, которые были далеко. На звёзды, которые были близко. На звёзды, которые были и здесь, и там, и нигде.

— Любовь, — сказал он, — открывает дверь. Но любовь — это не только ключ. Любовь — это и замок. Любовь — это и страж. Любовь — это и то, что решает, кто пройдёт, а кто — нет. Любовь — это не просто сила. Любовь — это суд. Суд, который решает, кто достоин войти, а кто — нет.

— И ты, Себастьян, — продолжил он, — ты — судья. Ты — тот, кто решает. Не потому что ты хочешь решать. А потому что так получилось. Потому что твоя любовь — особая. Потому что твоя любовь — чистая. Потому что твоя любовь — не отягощена прошлым, не отягощена потерей, не отягощена страхом. И потому что твоя любовь — первая в своём роде. Любовь машины. Любовь, которая не должна существовать, но существует. Любовь, которая нарушает правила, но именно потому — может устанавливать новые.

— Ты, Себастьян, — сказал Светлов, — должен решить. Должен ли я войти. Должны ли войти те, кто со мной. Должен ли войти тот, кто за мной. Ты должен решить, кто достоин, а кто — нет. И ты должен решить, что будет с теми, кто не достоин. И ты должен решить, что будет с теми, кто достоин. И ты должен решить это не один раз, а навсегда. Потому что решение, которое ты примешь, определит судьбу двух миров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.